

КАМИЛ ИКРАМОВ

ТЫ С ЭТИМ ШЕЛ КО МНЕ...

Повесть

Был солнечный апрельский день. Шоссе сверкало и даже слепило, легковые машины словно летели над ним, а вся первая веселая грязь доставалась грузовикам и автобусам.

За рулем темно-вишневого «Запорожца» с буквой «Р» на ветровом стекле сидел молодой человек в замшевой кепочке. Он легко и внимательно вел машину, тихонько насвистывал что-то и думал обо всем сразу. Он думал, что не дело давать старикам наряды, связанные с такими дальними поездками, что в последний год часто возил отца, но сегодня впервые ехал вместо него. Еще он думал про своего приятеля Витьку и про концерт в Малом зале.

Инвалидный «Запорожец» свернул с магистрали, начался город.

Может, он был и большим, этот город, но старые деревянные домишки и новые блочные корпуса, перепутавшись, не давали никакого представления о величине и планировке.

Замшевая кепочка высывалась из окна машины, водитель что-то спрашивал у прохожих и ехал дальше по лужам разной глубины, по асфальту мокрому и по асфальту сухому. Поплутав меж домов и остатков стройки, он нашел то, что искал: «Детский сад № 25».

А в полдень мимо детсадовского забора шли разные люди по разным делам. Девочка в голубом пальто и вязаной красной шапочке стояла и смотрела на окна с откинутой фрамугой. А оттуда неслись фортепьянные пас-

сажи, бравурные аккорды, невесомые арпеджио. Все это звучало вразброд, но смело и решительно. Открытая фрамуга была нацелена прямо на белые весенние облака, туда и уходили звуки, и сразу, будто оробев, начинали звучать глуше, а потом присоединялись к звучанию улицы, жизни, и весенний ветер уносил все это неизвестно куда. Детский сад был новым, недавно построенным, забор окрашен в ярко-зеленый цвет, на воротах улыбались красочные матрешки в жестяных сарафанах.

«Не может быть, чтобы бабушка», — думала девочка. Она слушала, крепко держась за шершавые штакетины, коричневый портфель лежал на мокрой земле. «Это не бабушка играет», — думала девочка.

Небо было синим, горячим. Так всегда весной: земля еще непросохшая и холодная, стоншь на ней, смотришь на небо, на птиц и кажется, там, где они летают, давно знойно от могучего, сверкающего солнца.

Девочка посмотрела на солнце, и оно тотчас же зазвучало большим певучим колоколом. «Бум-бум», — медленно и торжественно. Ни птицы, ни легкие облака не испугались колокольного звона, а ветер подхватил его и понес далеко, мешая со своим высоким и чистым голосом. Все звучало и пело вокруг девочки.

«Ну вот, — подумала она, — это опять моя музыка. А в садике вообще никто не играл».

Она подняла портфель и вошла в ворота с веселыми матрешками.

Высокий светловолосый человек в замшевом пиджаке насвистывал, орудуя в открытых внутренностях черного пианино, играл то двумя руками, то одной левой, а правой крутил и пристукивал. Вдоль стен зала стояли маленькие стульчики с расписными спинками, за стеклами шкафов разместились игрушки. Молодой человек не заметил, как в зал вошла девочка. Она была уже без пальто и портфеля, а шапочка на голове осталась, и девочка дергала ее за завязки, нерешительно стоя за спиной настройщика. Настройщик обернулся, подмигнув слушательнице и опять заиграл.

— Ну, как? — спросил он, лихо скинув руки с последнего аккорда.

— Очень громко, — сказала девочка.

— Это потому, что крышка снята, — объяснил настройщик.

— Хороший инструмент? — спросила девочка.
— Как тебе сказать, — он подкручивал колки, — на наш век хватит.

— А на мой? — спросила девочка.

— Не знаю, — засмеялся настройщик и посмотрел на девочку.

Все как у всех: форменное платье, руки в чернилах, красная пластмассовая звездочка на черном фартуке.

— Ты чья? — спросил он. — Для сада вроде великовата.

— Мне скоро восемь. Я в новой школе учусь. В первом классе.

— А сюда зачем пришла?

— Слышу, музыка... Думаю, вдруг бабушка...

— Какая бабушка?

— Моя. Она здесь работала. На баяне играла.

— А сейчас?

Настройщик вытирал руки, девочка тянула свои завязки и смотрела на него снизу вверх.

— Она умерла, — сказала девочка.

Настройщик достал сигарету, но вспомнил, что в детском учреждении курить нельзя.

— Я подумала, вдруг — бабушка, — повторила девочка.

— Ты перепутала. Я ведь не на баяне играл.

— Бабушка и на рояле умела.

— У вас дома рояль? — Настройщик присел на маленький стул и стал одного роста с девочкой.

— Очень старый рояль, — сказала девочка. — Клавиши желтые — настоящая слоновая кость. Он всю войну в сарае простоял, на боку.

— Неподходящее место, — вздохнул настройщик, — ты-то музыке учишься?

— Сейчас нет. Меня бабушка учила, а в школу мы с ней не успели...

Настройщик протянул руку.

— Я — Косцов Владимир Владимирович, а ты?

— Таня. Сергеева.

Из детского сада они ушли вместе. Темно-вишневый автомобиль Косцова стоял за воротами, среди луж.

— Давай подвезу? — Косцов открыл дверцу.

— Я близко живу, — сказала Таня, — вон мое окно.
Запомните, пожалуйста.

— Запомню, — Косцов улыбнулся, — в гости позвать хочешь?

Он сидел в машине, а Таня стояла и держала портфель обеими руками.

— Рояль ремонтировать, — сказала она, — но это не сейчас. Через десять лет.

— Что так не скоро? — заинтересовался Косцов.

Таня наклонив голову, рассматривала перчатки Косцова, специальные водительские, с хитрыми вырезами.

— Через десять лет я буду работать, — не торопясь объяснила она. — Бабушка говорила, что наш рояль ремонтировать дороже, чем новый купить. За него никто не брался, она сама с ним возилась.

Косцов задумчиво смотрел на Таню.

— Ну, что же, — сказал он, — запиши телефон. У меня отец любит старые инструменты.

Таня возилась с замочком портфеля.

— Подожди, я сам запишу, — сказал Косцов и вырвал из записной книжки клетчатую страничку.

— Не потеряй.

Машина тронулась. Светило солнце, но земля, замерзшая и холодная, остужала день, потому что шел уже третий час. Таня нащупала ключ, приколотый к подкладке пальто, мама и папа вернутся еще не скоро.

Длинный девятиэтажный Танин дом уже шагал ей навстречу. Он шел, как огромный слон, и трубил марш, а окна его горели на солнце красным пламенем. Дом жил свободно, летом перед ним образовывался зеленый незатопанный пустырь, пересеченный тропинками. Когда Таня играла на пустыре, бабушка видела ее в окно. Вон их окно, на седьмом этаже. Она так и говорила: «Играй, чтобы я тебя видела». Сейчас пустырь весь под водой, сухо только у подъездов и гулять не интересно. Таня пошла на седьмой этаж пешком. Идти было долго. Она думала про внешнеый автомобиль.

...Дорога уже не казалась такой яркой и праздничной, на обочинах бугрился черный нарастающий лед. Косцов был доволен: не так уж много времени он потерял, думал, что весь день пропадет.

Есть хотелось ужасно. «Старых настройщиков в детских садах, наверное, кормят, — улыбнулся он про себя. — Правда, отец и провозился бы до вечера».

Отцовские «малые дела» и сентиментальность всегда

вызывали у Косцова улыбку, но сейчас он был рад, что дал девочке телефон. Очень милая была девочка.

...Мама не рассердилась, что Таня забыла пообедать. Они с папой вообще редко на нее сердятся. «Ты хороший человек, — говорит ей папа, — мы с мамой знаем, что ты очень хороший человек».

А вообще папа вспыльчивый, так говорит про него мама. И еще у него всегда есть идеи. «У меня есть идея», — говорит он и на всякий случай добавляет, «это необязательно, чтобы вы ее принимали, просто мне пришлось в голову». Они чаще всего принимают папины идеи, мама говорит, что папа всегда прав.

Таня думала про папу и маму, лежа в темной комнате на диванчике. Она всегда перед сном немножко думала про все. В темноте чуть обозначался рояль, из-под двери пробивалась полоска света. Очень тихо, но все равно все живет в темноте, шуршит, чуть-чуть поскрипывает. Таня прислушалась, и сразу же неясные шумочки и шорохи зазвучали в ритме, как маленькие барабанички. Таня из всего делала музыку и в такт этой музыке или качала головой или подпрыгивала. Кто не знал, что у нее есть своя музыка, — удивлялся, что это Таня так долго прыгает на одном месте. Папа с мамой тоже удивлялись, а бабушка нет. Прошлой весной Таню записали в школу, а бабушка заболела и перестала ходить на работу. Раньше она на детсадовские праздники брала с собой Таню. Она знала все песни, которые пели дети, и подпевала им, хотя сидела среди зрителей. Но в прошлом году к Первому мая за Таней приехала папина сестра и увезла ее в Ленинград гостить. Перед отъездом Таня села около бабушки, которая лежала вот на этом диванчике, и они тихонько спели первомайскую песню.

Ой, бежит ручьем вода.
Нету снега, нету льда.

Таня под одеялом тихонько запела и сейчас же, тоже тихо, чтобы никто не услышал, подхватил песню бабушкин баян и потянул за собой бережно и радостно.

Мы весняночку поем,
Весну красную зovem.

Баян уходил куда-то, Таня бежала за ним, потом устала и закрыла глаза. Где-то далеко-далеко бабушкин голос сказал:

— Как звери жили без Тани...

Таня вздохнула. Завтра рано вставать в школу.

— Как звери жили без Тани, — говорил бабушкин голос, — спектакль подготовлен по случаю возвращения Тани Сергеевой из Крыма. Действующие лица и исполнители:

Жан-Жак, медведь — бабушка.

Шего, олененок — бабушка.

Нимфа, болонка — бабушка.

Котенок — бабушка.

Музыкальное сопровождение — тоже бабушка.

Заиграл баян, но — щелчок — это папа остановил магнитофон. Мама вошла из кухни в комнату, покачала головой.

— Зачем ты, — сказала она, — пусть Танька пока не слышит, забудет. Чего беречь.

— Вот и я хочу эти пленки отобрать и спрятать, — объяснил папа. — Вырастет — вспомнит.

Они смотрели на плотно закрытую дверь Таниной комнаты.

Был уже совсем поздний вечер. Даже взрослые люди собирались ложиться спать до завтра. Таня лежала на диванчике неподвижно, но спала она или нет — кто знает?

...Утром папа ушел рано. Таня и мама завтракали вдвоем. Кухня у них была небольшая, но удобная, все под рукой. Таня сидела за столом уже одетая в школьную форму и причесанная в одну косу, мама в халате делала что-то у плиты. Она уходила позднее. Утро было ясное, но весеннему гулко.

— Павлик! Очки забыл! — кричала старушка с девятого этажа. — Очки забыл! Павлик!

— Все положила в портфель? — спросила мама. Таня кивнула. Мама налила ей чай в блюдце.

— От двадцати восьми вычешь шесть? — спросила мама.

Таня задумалась.

— Павлик! Павлик! Очки, — звала старушка.

«Наверное, уже не слышит, — подумала Таня. — У нас Толя Смирнов тоже в очках».

— От двадцати восьми шесть? — переспросила она.

— Что за привычка не слушать сразу. — рассердилась мама, — надо уметь сосредоточиться.

На стене образовался солнечный зайчик. Таня покачала блюдце и зайчик закачался.

— Мама, — спросила Таня, — малая медведица похожа на большую?

— Похожа, — ответила, торопясь, мама и посмотрела на часы. — Ты уже опаздываешь. Не ходи, пожалуйста, по лужам, хорошо?

— Она тоже ковшик, только маленький?

— Кто? — не поняла мама.

— Малая медведица.

— Не помню, Танечка. Спросим у папы.

Они выбежали в прихожую. Там мама быстро завязала на Тане шапочку, сунула в руки портфель.

— До свиданья, — кричала Таня, сбегая по ступенькам. — До свиданья! Я тебя люблю!

Таня бежала, обгоняя неторопливых старшеклассников. «И как это они не боятся опоздать?», — удивлялась она. Сегодня она была дежурной.

— Трам, там — трам-там-там.

— По утрам, по утрам, — приговаривала Таня на бегу. И все утренние звуки — удары, шум машин, самолетов, людей — все скакало вместе с Таней к школе.

Вот Танин класс, 1 «Б». Вот ее парта — вторая в среднем ряду. У них в классе здорово. Аквариум с рыбками, зеленый, в водорослях. На стенах разные выставки, рисунки, фигурки из пластилина, лучшие тетради. Танина тетрадь один раз тоже висела на выставке, но вообще она может писать лучше, так говорит их учительница Ирина Петровна. А ребята толпятся у доски. Нянечка Елена Сергеевна только что принесла в класс мел.

— Ребята, весь мел не ешьте! — крикнула Таня.

— Тебе голубенького оставить? — спросила курносенькая девочка, — кисленький...

— Мне нельзя, я дежурная, — с сожалением сказала Таня.

Стремительный звонок влетел в класс и только усилил школьный шум. Затопали в коридоре опаздывающие, кинулись на свои места поедатели мела. А потом все начало стихать и настало время, когда учителя торжественно и подтянуто зашагали от учительской к своим

классам. Школьный коридор стал пустым, широким. Цветные фотографии свободно расположились на стенах. Тут было все и о жизни школы, и о пятилетних планах. А черно-белые фотографии висели отдельно, они о войне.

Нянечка совсем беззвучно терла подоконники. По фигуре было видно, что лет ей немало, но лицо, доброе и мягкое, казалось молодым. Чтобы отжать тряпку, она низко наклонялась к ведру, пусть ребятишек во время урока ничего не отвлекает.

— Господи!!! — услышала она вдруг в конце коридора.

Елена Сергеевна прислушалась.

— Господи! Что же это!

Эта гулкая в тишине жалоба долетела из-за двери, на которой было обозначено «Для мальчиков».

— Господи!!

Нянечка поспешила туда.

— Батюшки!—удивилась она.— И пиджак снял! И рубашку! Зачем же ты, голубчик, весь-то раздаёшься?

Маленький круглолицый первоклассник торопливо застегивал пуговицы.

— У меня подтяжки очень трудные. Я на перемене не успеваю.

Он вздохнул и, на ходу влезая в пиджачок, зашпешил по коридору к двери с табличкой 1 «Б».

Нянечка перенесла ведро к другому окну, отжала тряпку. Она думала о первоклассниках, о внуке Толе. Думала по привычке не спеша, будто разговаривала с кем-то. Трудно им сразу в дела. До семи лет одни игрушки, только знают, а тут сразу и уроки, и портфель. За все в ответе. Поневоле растеряешься. Вон у Толечки в чтением не ладилось. И буквы выучил, и слоги, а читать начнет — два слова по книге, а дальше сам сочиняет. Такое расскажет, что и близко к написанному не лежало. Уж дед бился и по-хорошему, и ругал. А учительница, спасибо, успокоила, ничего, говорит, вы его хвалите. Наберитесь терпения и хвалите. Все наладится. И правда, сейчас читает хоть куда. Деду газету сам берет.

Елена Сергеевна встала у окна и задумалась.

В коридоре было тихо. С черно-белых фотографий зорко и бесконечно смотрели бойцы, лежащие на снегу.

Кончились уроки, и школьный двор сразу стал напо-

минать сцену «Прилета птиц» из оперы «Снегурочка». У школьного двора свой календарь. Едва серый асфальт высушили первые солнечные лучи, как началась самая весенняя игра — «классики»! Двор весь расчертили, разбили на неровные клетки. Обычный мел не подвел, его не смыли ни дожди, ни талые воды. Царапали асфальт битки — плоские баночки из-под гуталина.

— Покат не виноват! — кричала толстая девочка. — Я так не играю, покат не виноват!

— А я первая сказала чурики! — не слушая, кричала другая. — Ну и не играй, я первая!

Прыгали девочки в разноцветных сапожках, кричали, смеялись. Гомон на школьном дворе стоял совсем птичий. Первоклассники, где деление на мальчиков и девочек еще нечетко разграничено, прыгали вместе. Круглоголовый мальчик, тот самый, который возился с подтяжками, выскочил из школьных дверей.

— За кем я буду? — крикнул он, запыхавшись, и с размаху швырнул свой портфельчик на землю в кучу других.

Таня прыгала, изо всех сил раздув щеки.

— Татьяна! — окликнул ее папа. — Пойдем обедать!

Таня замычала, разводя руками и балансируя на одной ноге.

— Ладно, ладно, — папа махнул рукой и отошел к забору. Шарканье баночек и крики немного удалились, как только он прикрыл глаза. «Интересно, кто эту игру придумал? Наверное, дети, кто же еще? — думал папа. — Координацию развивает здорово, — на одной ноге прыгать, на черточки не наступать... И правил сколько...»

— Мак? — слышал он толенький голосок.

— Мак, — подтверждали хором.

— Мак? — с надеждой в голосе.

— Дурак! — хор ликовал.

Папа приоткрыл глаза. Голубое пальтишко скакало к нему с ноги на ногу, прыгал помпон на шапочке.

— Это у меня были немые, — Таня взяла папу за руку, заглянула в лицо. — Ты расстроенный?

— Нет, — сказал папа, — разморило. Ну, как дела?

Таня положила битку в карман, подняла с земли портфель. Они зашагали рядом.

— Я тебе забыла сказать, в детском саду пианино

настроили. — Таня шурилась на солнце. — Приезжал настройщик. Он бабушкин рояль потом отремонтирует. Хорошо?

— Вряд ли, — ответил папа. — Если в школу поступишь, надо пианино купить.

— Если в школу поступишь, — пропела Таня и прислушалась. — Если в школу поступишь, — повторила она еще раз. И сейчас же, точно она была дирижером, который напел начальные такты своему оркестру, ее инструменты подали голоса. Большим колоколом ухнуло солнце и, разбившись об оконные стекла, рассыпалось, зазвенело малиновым перезвоном. Ветер вывел скрипичный высокий надрыв, затем вернулся, вновь налетел, и виолончели повели, заговорили.

А сейчас стоит только побжжать, нет, поскакать вприскок — появятся трубы. Таня поскакала, размахивая портфелем, и оркестр ее понесся рядом.

— Вечно ты убегаешь, — сказал папа.

— Слышишь? — спросила Таня.

— Нет, — сказал папа.

Они постояли, послушали вместе. Таня заглянула ему в лицо. «Неужели правда—не слышит», — подумала она. И, вздохнув, взяла его за руку.

— В школу-то я поступлю, — сказала она, — а рояль пусть останется, хорошо?

За обедом Таня думала о многом, поэтому все время молчала, а папа и мама тихонько говорили про свои дела. Но, конечно, мама догадалась, про что Таня думает, и в конце обеда сказала:

— Пожалуйста, Таня, не трогай на улице ни собак, ни кошек. Это опасно. К тому же у тебя есть привычка тянуть руки в рот.

Папа сразу испугался.

— Ни в коем случае! Бродячих животных? Неужели ты трогаешь?

Таня еще не знала, как ответить, чтобы не огорчить родителей, но мама уже и сама пожалела, что взволновала папу, и сказала:

— Может быть, и не трогает. Я просто предупредила.

— Помните, черного кота, я вам в подъезде показывала? — спросила Таня. — Так вот, он над всеми кошками Фантомур.

— Почему Фантомур? — папа еще все-таки волновался.

— Ну кошачий Фантомас, — объяснила Ганя и тут же решила прямо сейчас начать готовиться к экзамену в музыкальную школу. Надо вспомнить вещи, которые они с бабушкой учили. «Бурный поток» бабушка говорила — вместо этюда, быстрый-быстрый. Таня пробежала пальцами по столу и спихнула на пол кусок хлеба.

— Наверное, ты уже сыта, — укоризненно сказала мама.

Таня подняла хлеб.

— Отложи в сторону, — сказал папа, — чтобы случайно не съесть.

— Спасибо, — сказала Таня и пошла в свою комнату.

«Он же только на минуточку упал, — пожалела она по дороге кусок хлеба. — А его теперь выбросят. Пусть бы мы его лучше съели».

У Тани в комнате рояль, диванчик, письменный стол и белый ящик с игрушками. На стенах булабочками прикреплены рисунки: олени в лесу, лошади с жеребятами и собаки. Есть рисунок, где Таня себя нарисовала собакой, только с косой и бантом, чтобы ее сразу узнали. За окном блестел залитый водой пустырь, и в нем отражались небо и облака. Если прижаться к стеклу, то можно увидеть кусочек леса. Вон какие строгие елки, темные, будто не знают, что весна. Таня подошла к роялю, открыла крышку, поставила ноты на ажурную деревянную подставку.

— Моцарт. Сонатина № 1, — объявила она шепотом.

Таня играла, изо всех сил глядя в ноты, очень недовольная собой.

— И тут не получается, и тут... Ой, как стучу. Нет, надо учить по тактам, каждой рукой отдельно. Бабушка говорила — слушай себя. Я слушаю, а все плохо...

— Идите вы тоже послушайте, — пригласила Таня, открыла крышку белого ящика и вынула рыжего, затрепанного медвежонка.

— Жан-Жак, медведь — бабушка, — сказала Таня и посадила медвежонка на рояль. — Шего, олененок — бабушка.

Олененок, белесый от времени, с трудом удержался на гладкой крышке.

Звери смотрели на Таню внимательно, приготовились слушать. Таня положила руки на клавиши.

— Музыкальное сопровождение тоже бабушка, — сказала она. И как только Таня тронула клавиши, рядом с ней запел баян. Мелодия была протяжная, чуть печальная. Таня играла и слушала, как будто мелодия эта тянулась к ней издалека.

Замолчал баян, играла одна Таня. Пальцы цепко ловили необходимые звуки, и те сплетались послушно и плотно в одно целое, в музыку. Завздыхал рыжий неповоротливый Жан-Жак, веселыми прыжками пронесся Шего. А это вечные спорщики — Нимфа с Котенком.

Где-то шли по улицам люди, мчались машины. Слушала Таню собака с косой и бантом. А музыка шла дальше, вела за собой. Теперь она была странная, не детская.

...Таня, наверное, уже спала, когда папа вернулся. Она только услышала, как хлопнула дверь, и тут же начала смотреть очень страшный сон. Будто часы-ходики с кукушкой, которые висели в кухне, вдруг сами собой подтянули гири. А Таня пила чай, она испугалась, побежала в комнату, не в свою, а в большую, где мама и папа. И вдруг диванная подушка как схватит ее за платье.

«Не нужно кричать, — думала Таня, — надо сделать вид, что не замечаешь. Они рассердятся, если закричу».

Она присела на диван, потом прилегла и закрыла глаза. И правда, подушка исчезла, а Таня прямо на диване полетела по воздуху в темноту.

— Долго не засыпала, — рассказывала мама на кухне, — пришла, она еще уроки не сделала. Говорит, играла на рояле, готовилась в музыкальную школу.

— Не знаю, нужно ли это, — сказал папа, отхлебывая чай. — Не уверен. На это стоит тратить время только при условии абсолютных способностей.

Мама помешала ложечкой в чашке и задумалась, вылавливая чайинки.

— У Кустовых мальчик играет лучше, поет, как соловей, — не приняли, — продолжал папа. — Правда, они и школу выбрали не простую, для одаренных детей.

— Помнишь, мама говорила, что у Таньки талант.

Дверь в Танину комнату всегда плотно закрыта, но мама все-таки посмотрела на нее.

— Но, с другой стороны, у нее математический склад ума,— папа не возражал. Просто рассуждал вслух,— пусть будет инженером или физиком.

— Она хочет композитором, — сказала мама.

— Музыку пусть пишет в свободное от службы время, как Бородин.

— Бородин был химиком, — мама подлила в папин стакан чаю. — Надо все-таки показать Таню специалистам. И хорошим.

Тикали на кухонной стене ходики, маленькая кукушка дремала за крошечной дверкой, дожидаясь момента, когда та откроется и надо будет куковать. Куковать предстояло двенадцать раз.

Шел второй урок. В 1 «Б», в классе, где училась Таня, молодая учительница с коротко стриженными волосами диктовала:

— Мур-ка. С большой буквы.

Приоткрылась дверь, просунулась круглая голова.

— Можно мне войти, Ирина Петровна?

— Быстренько, рубашку неаккуратно заправил.

Это был мальчик с трудными подтяжками, Ирина Петровна подождала, пока он взял ручку.

— С большой буквы и красной строки. Мур-ка. Куда ты смотришь, Смирнов? Повтори, пожалуйста, как называется диктант?

Лобастый белобрысенький мальчик, поднятый из-за парты, смотрел в сторону и напряженно шевелил губами.

— Смирнов все прослушал, — сказала Ирина Петровна. — Подскажи товарищу, Таня Сергеева. Как называется диктант?

— Будка, — сказала Таня.

— Как?— не поверила Ирина Петровна.

— Буд-ка, — громко повторила Таня.

Класс захохотал. Толя Смирнов сразу почувствовал себя смелее. Смеялась Ирина Петровна. Метались в аквариуме испуганные рыбки.

— У меня завтра экзамен в музыкальную школу, — сказала Таня очень тихо.

Ирина Петровна вытерла платочком глаза, постучала карандашиком, чтобы утихомирить класс.

— Итак, Мурка с красной строки, — диктовала Ирина Петровна.

Двор, по которому они шли, тоже был весь исчерчен классиками, и Таня успевала по пути перепрыгивать черточки на одной ножке. Перед ними была музыкальная школа. Даже не читая вывески, можно было догадаться об этом. Рояли, скрипки, арфы со всех трех этажей смешивались и звучали неожиданно мелодично, словно исполняли затейливую, необычную для слуха пьесу. Сегодня здесь было много принаряженных детей и торжественных мам, сегодня приемные экзамены. Волнение и шепот ползли по гулкому коридору, отодвигая на задний план музыкальную разноголосицу. О чем только не беспокоились бедные мамы в ответственный для них час.

— Мы по списку десятые, — убеждала одна из мам сына в белой отутюженной рубашке, — прошу тебя, сбегай, ты успеешь. Дверь в конце коридора.

Сын не соглашался, но мама не сердилась, чтобы не расстроить его перед испытанием, терпеливо уговаривала. Рядом беседовали еще две мамы, обнимая за плечи испуганных девочек.

— Вашей сколько?

— Восемь..

— Моей семь с половиной. Она только рослая. Как вы думаете, к часу мы освободимся?

— Ну чего им до часа возиться. Они быстренько их пропустят. Сразу же видно, кто на что способен.

Откуда-то с верхних этажей появлялись хозяева школы — мальчики и девочки с папками и футлярами. Небрежно переговаривались о каких-то музыкальных делах и выбегали на улицу, не придерживая дверей.

Таня с мамой стояли у окна. В руках у Тани были свернутые в трубку нотные листы.

— Ты скажи, — говорила мама, — что это ты сама сочинила, а записала бабушка. Скажи, она была музыкант-самоучка, поэтому могут быть ошибки.

Около них испуганно шептались:

— Сегодня сдают только играющие дети...

— В подготовительный берут совсем малышей...

— Ну, возраст в музыке — все!

Да, сегодня славали играющие. И здорово играющие!

Бегали по клавишам пальчики голстенькие и худые, длинные и коротенькие. За столом сидела комиссия из семи человек, тоже, наверное, чьи-то мамы, но им-то, конечно, намного спокойнее сейчас. Они экзаменаторы, перед ними цветы в вазе, вода в графине.

А по ту сторону двери по-прежнему существовали только тревога и шепот.

Плохо слышно через дверь, как ни прижимайся ухом.

— Господи! — ахнула подслушивающая мама. — Остановилась!

— Может быть, попросили... — утешали ее, — сразу же видно, кто на что...

Детей совсем как-то не было видно. Мамы, мамы... Те, кому играть по списку было еще не скоро, объединились в сторонке, как заговорщики. Те, кому сейчас, стояли у самой двери, пока они были товарищами по несчастью.

— Мы готовились дома два года...

— А преподаватель отсюда?

— На фортепиано вообще прием ограничен...

— Они мне так и сказали: абсолютно профессиональные данные.

Шептались мамы, бегали по клавишам пальчики, а Таня стояла у окна.

— Тут отовсюду музыка, — сказала она маме. — Послушай, отовсюду.

— Ты скажи, что нигде не училась, — волновалась мама.

Таня дирижировала чему-то нотным свертком.

— Я поступлю, ты не волнуйся, — успокоила она маму.

И вот Таня очередей. Она вошла в класс и остановилась у двери. Члены комиссии смотрели на нее доброжелательно: симпатичная девочка, только несмелая, сразу видно.

— Проходи, пожалуйста, за инструмент. Это кто у нас? Сергеева Таня.

— Это я сама сочинила, — очень тихо сказала Таня и положила на стол перед комиссией ноты.

— Ты и сочиняешь? Умница. Садись быстренько за инструмент.

Это сказала красивая женщина с высокой прической. Она улыбнулась Тане. Ну надо же, какая робкая девочка. Таня положила руки на клавиши.

Какие тяжелые этапы у любого экзамена, а особенно у детского. Сколько обсуждений и подготовок еще даже до подачи заявления, сколько надежд, а в самый день экзамена — никакой, самой маленькой надежды не остается, потому что от этих детей можно ждать чего угодно.

И как они сдали — узнать у них невозможно, потому что ответ один «я все сыграл хорошо», «я все ответила правильно». Да откуда же это известно, что хорошо и правильно? Но сдавшим экзамен говорить про него уже неинтересно, они рвутся на улицу скакать на одной ножке и радоваться весне и лужам...

Но вот уже объявили результат экзамена, и мамы не шептались больше, а говорили громко.

— Как вы будете ездить? Такую даль...

— Мы готовы обменять квартиру. Теперь, когда поступил... — И мальчик в белой отутюженной рубашке был все-таки увлечен в конец коридора к последней двери направо.

— Представляете, я с утра на валидоле, — щебетала поступившая мама.

— Ну что ж, и обменяемся... — решила другая. — Пусть не сразу.

Те, кого не приняли, — ушли, остались только счастливишки.

— В конце концов, самое главное — поступить, а преподаватели здесь все сильные...

Мама Тани стояла в стороне, она не участвовала в общем разговоре. По коридору мимо нее шла красивая женщина с высокой прической.

— Простите меня, — остановила мама, — Сергеева Таня... Вы знаете это, наверное, недоразумение. Девочка просто бредит музыкой... Сочиняет... Вы видели, сколько у нее песен? Я думала, что... — Мама остановилась, разволновалась.

— Девочка себя, мягко говоря, не показала, — красивая женщина, а она председатель экзаменационной комиссии, говорила очень участливо. — Конечно, экзамен, волнение, но все находились в равных условиях. Слуховые данные очень неубедительны, да и руки...

Стучит, программа явно завышена. У кого она училась?

— У своей бабушки. Та, правда, самоучка...

Они разговаривали около окна. Мама видела обычный школьный двор, скакали по классикам будущие виртуозы. Не прыгала только Таня.

— Вот видите, — сказала красивая женщина. Она стояла спиной к окну и не видела, что происходило во дворе, — надо было отдать девочку специалисту. К сожалению, для подготовительного класса она велика.

Сколько раз бабушка говорила Тане «вот когда сдашь экзамены в музыкальную школу» или «чтобы сдать экзамены в музыкальную школу». А вот он и был, этот экзамен, был и прошел. И они с мамой уже проехали обратно весь путь от школы до дома, во время которого мама строила планы на лето и все рассказывала Тане про море и горы. А Таня смотрела в окно, все убегало назад, потому что она сидела прогив движения. Она пожалела маму и сказала:

— Я помню, как вы меня возили туда. Очень здорово.

И потом, пока шли к дому и поднимались на лифте, сама вспомнила море и горы, специально для мамы. Они сели рядышком на диване, прямо одетые, и папа все понял.

— Вот что, доченька, — почему-то строго сказал папа и начал ходить по комнате.— Вот что, доченька! Способности у тебя средние, как оказалось. Посвящать жизнь музыке глупо и бесперспективно. Ты уж прости, что я с тобой как со взрослой говорю. Когда-нибудь ты это поймешь и оценишь. Неудачников у нас и так хватает, а способности и фантазерство — вещи разные.

— Фантазерка она — вся в бабушку, — вздохнула мама и погладила Таню по голове.

Таня плакала, опустив голову, а папа ужасно все это переживал и жалел Таню, и оттого говорил все громче и сердитее.

— В лучшем случае будешь, как бабушка, в садике на баяне играть. Хочешь ты этого?

— Хочу, — тихо сказала Таня.

Она вытерла слезы и пошла раздеваться.

— Ну, попробовать надо было, — тихо и виновато сказала мама. Папа вздохнул, глядя в окно. — Ска-

зали, что слух не очень. А мама говорила — абсолютный.

— Хватит, — сказал папа не оборачиваясь.

Таня вернулась в комнату.

— Можно, я порисую? — спросила она.

— Можно, — разрешила мама.

— А можно, я в будущем году опять буду поступать?

Мама и папа промолчали, и Таня ответила сама себе:

— Можно...

В I «Б» шел урок рисования. В баночках из-под майонеза плескались кисточки, пачкались руки, а на листах альбомов возникало что-то зелено-голубое.

— Опять ты не то сделала, Т.нюша, — сказала Ирина Петровна. Она смотрела на лист, где зелено-голубое буйствовало безудержно. Таня стояла рядом.

— Я же объяснила, не спешите хвататься за краски, краски потом. Вначале делайте набросок простым карандашом. А это? Ну вот, что ты намазюкала?

— Это весна, — сказала Таня.

— Весна? Это тебе так кажется. Садись, я еще раз объясню всем.

Таня села на место и положила перед собой чистый лист бумаги.

Ирина Петровна оглядела класс.

— Смирнов Толя! — сказала она. — Надень очки и не снимай их больше. Ты опять ничего не увидишь.

— А его дразнят, — пояснила толстая девочка из среднего ряда.

Толя сидел нахохлившись в великоватом ему школьном пиджачке. Он не участвовал в разговоре, но и очков не надевал.

— На неумных, Смирнов, не следует обращать внимания, — сказала Ирина Петровна, — что ты хочешь сказать, Таня?

Таня опустила руку и встала.

— Я, например, очень плохо слышу, — сказала она, — это хуже, чем очки.

— Не замечала, — удивилась Ирина Петровна.

— Плохо, — сказала Таня, — меня проверяли.

«Фантазерка», — подумала Ирина Петровна и переевела разговор.

— Смотрите все на доску, следите за моей рукой.

Толя Смирнов надел очки, глянул из-под них на Таню. Та показала на уши и развела руками.

...Солнце било в кухонное окно. Папа и Таня ели, а мама, как всегда, суеуилась между столом и плитой.

— Да, интересно, — сказал папа. Они с Таней говорили про школу, сидели совершенно одинаково, далеко отставив локти.

— А когда Ирина Петровна уходит по делам, то меня оставляет за учительницу, — рассказывала Таня.

— Таня, сядь как следует, — сказала мама.

Таня выпрямилась.

— Да, интересно, — сказал папа и тоже выпрямился.

«Хорошо бы мне жить на теплом острове, в теплом море, — думала Таня, шурясь от солнышка, — и там бы посреди стоял рояль и около сидела собака».

— И что же ты, когда Ирина Петровна уходит? — папа доедал суп, а у Тани еще была полная тарелка.

— А еще я говорю ей, кто себя плохо ведет.

Таня представила, что суп в тарелке это и есть то самое теплое море, а вот и остров — перевернутая ложка. Вот здесь будет стоять рояль, вот сюда собаку. А она сама будет купаться в море, играть на рояле и гладить собаку. И еще рисовать. По-всякому: как Ирина Петровна учит и как самой хочется.

— У тебя все остывает, — сказала мама, — доешь скорее.

«Или пусть на этом острове будет музыкальная школа...»

Таня хотела рассказать про сегодняшний урок рисования и про Толю Смирнова. Она подняла глаза от тарелки и неожиданно для себя сказала:

— Вот сегодня, например. На рисовании Толя Смирнов баловался. Я встала и пожаловалась.

— Как это так! — папа положил вилку. — Ты слышишь? — спросил он у мамы.

Мама чуть махнула в папину сторону рукой, мол, поспокойнее.

— Да нет! Тут не рукой махать надо, а что-то де-

лать, — папа расстраивался все больше. — Ты понимаешь, что поступаешь, как предатель? И если тебя отлупят за это, — не ходи и не жалуйся!

— Ты опоздаешь, — сказала мама и села рядом с папой. Таня ела, опустив голову, по ее щекам текли слезы.

После обеда Таня пошла к себе в комнату. С папой они простились хорошо, поцеловались, а мама еще убирала на кухне. Таня немного постояла около собаки с косой и бантом, взяла карандаш и подчеркнула ей глаз, чтоб той было лучше видеть. Потом открыла ящик с игрушками.

«А добираться на остров можно на змее. Склеить огромного змея и лететь на нем через море. Пусть он будет с эту комнату или даже больше, чтоб и собака на нем летала вместе со мной».

— Давайте вспоминать сказки, — сказала Таня игрушкам и как всегда рассадила их на крышке рояля. Она покрутилась на винтовом стульчике в одну и в другую сторону, положила руки на клавиши.

— Мальчика звали Кей. Он был озорник и очень смелый. Вот такой.

Пальцы тоже смело ударили по клавишам и получился марш, веселый и озорной.

— А девочку — Герда. Она была вот такая.

Лицо Тани сделалось мечтательным, а музыка стала прозрачной, мелодия росла, не спадая, звуки тянулись друг к другу. Они были сильными и нежными одновременно.

— Однажды они играли дома одни и вдруг услышали шаги. Это пришла их бабушка.

Правая рука Тани словно гладила каждый звук новой мелодии. Она, эта мелодия, звучала неторопливо и ласково, но в левой руке была тревожной и прерывистой.

— Бабушка запыхалась, — сказала Таня, — ей трудно дышать. И она спросила... — Таня перестала играть, задумалась. На нее смотрели игрушки. — Она спросила: «Как вы тут живете? Рояль еще не починили?»

Таня вслушалась, и будто кто-то невидимый показал ей вступление, и она вступила со своей темой: вначале она прозвучала грустно, словно вдалеке, но вот приблизилась и вдруг, разогнав тучи, заударяла веселым набатом. Таня сидела неподвижно, пальцы еще лежали на

клавишах, она слушала вслед музыке, которая пришла к ней неожиданно и ушла неизвестно куда.

Следующий день у Тани был веселый. Они, то есть первоклассники, участвовали в «Последнем звонке». Дарили десятиклассникам цветы, а те им — воздушные шары и книжки. Тане достался прекрасный шар, именно такие она любила, круглый и синий. От шара было так весело, что Таня решила позвонить. Две копейки она давно носила в кармане. Она вошла в телефонную будку, крепко прижала трубку к уху, а рукой с шариком стала набирать номер, вслух произнося цифры.

— Да, я слушаю! — раздалось в трубке, совсем близко от Тани.

Таня молчала, шарик чуть поскрипывал.

— Алло! Кто это? Эллиен?

Владимир Владимирович Косцов сидел у себя дома за роялем. На пюпитре — исписанные нотные листы. Телефон стоял на полу, рядом.

— Алло! Леночка! Не молчите, я слышу, как вы дышите, — сказал Косцов в трубку.

Он быстро писал в нотных листах, вычеркивал что-то, прижав трубку плечом.

— Какого черта, — сказал Косцов, — Витька, это, наверное, ты. Не морочь мне голову. У меня только полфуги готово, а завтра старику тащить.

Он послушал, дунул в трубку и посмотрел на часы.

— «Господи, на что время трачу», — вздохнул он про себя и стал проигрывать написанное.

Фуга начиналась в низком регистре, и каждое новое проведение темы было путем наверх. Из кухни пришел отец с книжкой в руках, дослушал.

— Поразительное место нашел, Володя.

— Читай, — улыбнулся Косцов и подумал: «Сегодня он выглядит получше».

— Ты с этим шел ко мне.

И мог остановиться у трактира.

И слушать скрипача слепого! — Боже!

Ты, Моцарт, не достоин сам себя.

Отец многозначительно помолчал.

— Вдумайся, — сказал он. — Для Моцарта слепой скрипач — музыкант, а для Сальери — фигляр презренный. Понимаешь?

— Понимаю, понимаю, — засмеялся Коснов. — понимаю, зачем ты мне это прочитал. Сейчас я еще много поработаю и поговорим, хорошо?

Он посмотрел отцу вслед: у старости комплексов не меньше, чем у юности.

...А Таня уже шла по улице и смотрела через шар. Небо было темно-синим, а солнце круглое, без лучей. Зато глядеть на него было удобно.

Скоро начнется лето.

Трава в желтых, белых и голубых цветочках; маленьких и ярких, дни — ясные и душистые или душные грозовые, теплая речная вода — все было радостно для Тани. И для всех, кто в это время жил на свете. Каждый день был полон радости или хотя бы надежд. Запахи травы и земли говорили, что они были уже давно, много раз в жизни и обещали повторяться еще и еще.

Таня ходила за ягодами и грибами, купалась, росла. Вечерами, комариными и теплыми, смотрела, как река текла прямо на красное закатное солнце и не могла его потушить, потому что сама становилась горячей и красной. А лес вокруг пел, как большой задумчивый хор.

Папа и мама жили около Тани по очереди, каждому из них она дарила голько ей принадлежащее лето. Оно оказывалось то гнездышком в кустах, то неизвестной норкой в земле, то толстым пустым стеблем, пригодным для свистульки. И всему этому Таня была понятна и нужна, и ей самой все на земле было необходимо и ясно. Надежды, что все лучшее в жизни будет непременно возвращаться, приходили летними почвами ко всем, кто жил в это время на свете, и, конечно, к Тане.

Домой она приехала в предпоследний день лета. Дом-слон гулял на пустыре среди травы. Недавно прошел дождь, в глазах-окнах бежали тучки. Он затрубил Тане навстречу марш, но не так громко, как раньше, наверно, не узнал.

— Это я, — сказала Таня дому. — Просто загорела и выросла. И волосы выгорели.

Она пошла на седьмой этаж пешком. Дверь к ним была открыта, вещи оставили в прихожей, а Таня пошла в свою комнату. Дверь туда была закрыта. Таня зажмурилась и толкнула ее.

— Бабушка, — позвала она шепотом.

Когда они с бабушкой играли в прятки, она знала все места, где можно спрятаться. Но сейчас Таня нигде не стала искать. Она посмотрела на рояль, он был спокоен. Таня покивала ему и пошла вниз. Папа платил деньги шоферу.

— Я погуляю? — попросилась она.

Она посмотрела под ноги, но все-таки наступила в маленькую лужицу и испачкала сандалии. Пришлось сорвать пучок травы на пустыре, чтобы вытереть грязь.

— Никто не виноват, что ты испачкалась, — обиделась трава.

— Я нечаянно! — испугалась Таня. — Прости!

Она понимала, что трава все лето росла без нее, и Таня для нее чужая.

— Послезавтра я иду во второй класс, — сказала она.

Трава и дом-слон молчали. Они знали многих девочек, которые должны были идти во второй класс.

Вот уже и первое сентября осталось позади. Торжественный белый фартук снова висел в шкафу, а Таня надевала по утрам деловой черный. Было еще тепло, в палатках продавали арбузы, они лежали грудой на земле, не показывая, что у них внутри. Таня бежала из школы. Улица с домами, машинами, арбузами, деревьями и ветром как всегда звучала музыкой.

Около телефонной будки Таня остановилась, достала из кармана монетку.

— Алло, — ответила трубка, — алло! Ирочка? Это вы?

Таня держала трубку двумя руками и молчала.

А Косцов опять сидел за роялем, и телефон так же стоял на полу, и на пюпитре — исписанные нотные листы

— Алло, — весело кричал он, — черт! Не соединяет.

Косцов прижимал трубку плечом, быстро писал на листах четкие нотные значки и даже успевал мысленно пропеть их.

— Ирочка! — он подул в трубку. — Перезвоните! Через полчаса убегаю.

Таня повесила трубку и снова набрала номер.

— Алло, — Косцов опять подул, — не слышно, дьявол. Ирочка, если это вы, встретимся у консерватории в два.

Таня с портфелем вышла из будки. Часы над ее головой показывали пятнадцать минут второго. Под ногами шуршали первые осенние листья.

Пожалуй, школьный двор не плох и осенью. Правда, никто не прыгает, но, может быть, это потому, что скоро должен прозвенеть звонок на первый урок, и тем, кто торопился к школьным дверям, было не до прыгания. Правда, торопились не все. Несколько мальчиков, положив портфели, рассматривали что-то на земле.

— Эй, Толя! — крикнул один. — Смотри, какой жук! Последний в этом сезоне.

Толя Смирнов в пальто выглядел так же, как в школьной форме. И оно было великовато ему. Прямо над широким, не по шее, воротником торчала спортивная шапочка с помпоном. Он торопился пройти мимо одноклассников.

— Да погоди ты, — остановил его рослый мальчик, — надень очки и рассмотри — редкий экземпляр.

Он сунул жука Толе в лицо.

— Пусть отнесет в подарок школе или съест, — развеселился круглоголовый, тот самый, у которого в первом классе не ладилось с подтяжками.

— Толя Смирнов — знаменитый пожиратель жуков, — загалдели мальчишки. — Спешите видеть!

Толю теснили со всех сторон, особенно старался рослый мальчик.

— Отстаньте от меня! — закричал Толя. — Отстань, дурак, — отбивался он от рослого.

— Это я дурак? — обрадовался тот. — Ну, Толя, прощайся с жизнью!

В этой куче трудно было уже разобрать, кто где, но Толю видно не было.

— Открывай ему рот, — слышались голоса. — Ага! Не хочешь жрать жука!

Таня с портфелем шла мимо. Она секунду смотрела на дерущихся и вдруг бросилась на них.

— Отпустите жука! — закричала она и потянулась к чьей-то поднятой руке, в которой, наверное, и был зажат жук.

— Отдай жука! Ведь раздавишь его, дурак, мучитель!

Таня голкалась, раскидывала мальчишек, продираясь в середину.

Мальчишки остолбенели, забыли про Толю, и тот изо всех сил побежал к школьной двери. А Таня все наскандалывала, голкалась, царапалась.

— Ну, разве вы люди? — кричала она. — Дураки!!!

На драку второклашек некогда смотреть, вот-вот начнется урок, но две девочки-старшеклассницы удивленно остановились.

— Маринка! Какой ужас! Это мои октябрята, — сказала одна. — Таня! Сергеева! — позвала она. — Ты что, драться научилась?

— Жука раздавили, — сказала Таня. Ей не хотелось, чтобы увидели ее слезы, она стояла, опустив голову.

— Да это вредный, короед, — сказал рослый мальчик.

— Я думал, она за Смирнова заступилась, — круглоголовый поднял с земли портфель, — пошли, ребята.

— Ну, Таня, — сказала старшеклассница, — так, правда, нельзя.

— Наташа! Опоздаем! — позвала ее подруга. Наташа взглянула на часы, побежала к дверям, но вдруг возвратилась. Таня отряхивала пальто.

— А жука, правда, жалко, — Наташа наклонилась к самому лицу Тани и улыбнулась ей.

— У нас новая вожатая, я вам забыла сказать, — рассказывала Таня папе. — Наташа.

Они шли по уже холодной земле, была поздняя осень.

— Ну и как? — спросил папа.

Он был рад, что сегодня смог встретить дочку, нес ее портфель.

— Она поет, — говорила Таня. — А сегодня был сбор. Я в третьей звездочке и отвечаю за рыб и растения.

Они шли мимо телефонной будки, девушка за стеклянкой дверью говорила в трубку и улыбалась.

— Папа, — попросила Таня, — ты мне дай, пожалуйста, двушек, мне очень нужно.

— Поищу, — папа обнял ее за плечи. — Холодно становится. Скоро на лыжах поедem.

Прошло время; деревья замерзли — ждали снега. По утрам Таня слышала свою музыку по-другому. Редко и низко звучало остывшее для земли солнце. Но все в жизни оставалось прежним: школа, Ирина Петровна,

Жан-Жак, рояль, дом. В этот день она опять решила позвонить.

Косцов вздрагивал от каждого звонка. Отца увезли ночью.

— Алло, — кричал Косцов, — алло! Кто это? Кто?

Телефон стоял на столе, а не на полу, да и рояль выглядел как-то уж очень строго, наверное, потому, что был закрыт.

— Алло, доктор, — кричал Косцов. — Доктор, если это вы, перезвоните, пожалуйста! Я все время жду у телефона.

Таня по голосу поняла — что-то произошло. Наверное, она не будет больше звонить. Может быть, через десять лет, как договорились. Даже меньше, чем через десять. Вот уже сколько времени прошло. Она повесила трубку, надела варежки. Через стеклянную дверь будки было видно, как идет снег. Первый снег.

За дверью с табличкой 2 «Б» было шумно. На партах разложили что-то накрахмаленное, блестящее, шуршала разноцветная бумага. Снежинки, лисы, коты, украинки и узбечки крутились, прыгали и визжали от восторга. Наступил Новый год для младших классов! Таня в парчовом сарафане и кокошнике прыгала на одном месте. Ирина Петровна сегодня сбилась с ног, ее помощницы — мамы, зажав во рту булавки, примеряли что-то, укорачивали на ком-то, подвязывали и успокаивали. То и дело приоткрывалась дверь и просовывалась чья-то голова. Это интересовались происходящим в классе «костюмы» без номеров.

— Ольга! Закрой дверь! — кричали девочки-персонажи очередной голове. — Николашка! Не лезь!

— А мы вас тоже не пустим, — обещала голова, — когда нас выберут.

— Закройте дверь, — возмущалась курносенькая девочка в белой пачке, — не дадут отдохнуть перед выступлением. Правда, Тань?

— Правда, — сказала Таня и уже вместе с курносенькой вознегодовала: — Николашка! Тебе говорят!

Николашка миролюбиво улыбалась «персонажам».

— Я теперь тут никого не впускаю, — объяснила она. В класс вбежала Наташа в костюме Снегурочки.

— Ребята! Кто выступает — в зал. Остальные парами!

У окна в коридоре стоял кто-то в маске льва. Маленькая цигейкозая шубка была накинута на плечи и завязана на манер бурки.

— Смирнов! Думаешь, никто не узнает?

Нарядные девочки бежали мимо. Курносенькая девочка бежала за руку с Таней.

— Вырядился, как дурак, а его выступать и не выбрали, — засмеялась она. — Правда?

— Правда, — сказала Таня.

Елка стояла в зале. Ребята стояли вокруг широким хороводом, а под елкой уже были и Дед Мороз — худенький девятиклассник, и Снегурочка — Наташа, и еще двое в черных костюмах — массовик и аккордеонист.

— Шестью шесть? — крикнул массовик, с ходу открывая веселье.

— Гридцать шесть, — ответили ему хором ребята.

Массовик был невысок и немолод. Он ходил по кругу на полусогнутых ногах, руки в боки так, что черный пиджак расходился и галстук свисал не по-парадному. Но зато как весело у него получалось на весь зал:

— Пятью-пять?

-- Двадцать пять!

— Научились мы считать, ставлю всем ребятам...

И широко, опять-таки в ущерб парадному виду, раскинул руки.

— Пять! — догадался хор.

Нет, не угадаться худенькому Деду Морозу! Без него кипело веселье! Ему оставалось стоять с мешком и палкой у елки, как неживому. А массовик, не отвлекаясь на него, уже пел на известный мотив:

Я пораньше встал сегодня,

Дед Мороза в гости жду.

Жаль, что праздник новогодний

Только раз в году!

Большое искусство уметь занять детей ежеминутно. Не часто удается это даже лучшим знатокам детской психологии. А этот массовик был как раз из тех, которые за полчаса выучивают с доброй сотней ребятнишек танцы всех времен и народов, под чей магический взмах руки те же ребятнишки дружным хором исполняют сню

минуту выученную песню. И пусть у такого массовика это будет десятая елка за день, все равно покажется, что вот только теперь человек дорвался до настоящего дела.

Шли вокруг елки коты, лисы, снежинки. Смешно вскидывая длинными ногами, заплясал вдруг под аккордеон Дед Мороз.

— Раз-и-два-и-три! Асса! Три-и-два-и-раз-и! Асса!

Выбежали украинки в венках, парами обошли елку и запритопывали в центре, придерживая ленты. А Наташа, какая молодец! Танцевала со всеми подряд. С ней не страшно было выступать и с солильным номером. Ну-ка, так же ловко, как она: руки полочкой к груди, ноги — веревочкой вперед, а потом назад. Это белорусский танец «Бульба». Так и хочется подпевать негромко:

Бульбу варят, бульбу жарят...

И массовик не уставал, чуть минута без танца — он за свое:

Расскажите про покупку!
Про какую про покупку?
Про покупку, про покупку,
Про покупочку мою.

Ну-ка, попробуйте это скороговоркой сказать, вам тоже станет смешно.

У Тани танец с песней. Она взмахнула платком и пошла по кругу.

Здравствуй, гостя зима!
Просим милости к нам,
Песни севера петь по лесам и полям!

Она и правда была настоящая зима — сарафан с морозными блестками, кокошник с узором. А за ней свита — закружились, налетели легкие снежинки. Хорошо танцевали девочки, весело, аккордеонист резко и быстро кидал пальцы. Массовик подбадривал всех крепкими хлопками, и все хлопали веселому танцу. Только лев в цигейковой шубке вышел из круга и сел в стороне. Дежурный старшеклассник подошел к нему и затормозил:

— Ты что сел? Надо веселиться!

— Да ну, — сказал Толя, — надоело!

Он снял маску, аккуратно свернул шубку. В большом зале он был не очень-то и заметен. Только Таня, когда раскланивалась после танца, увидела, как аккуратно Толя складывал свой костюм.

«Наверное, дома велели так», — подумала она. Но сейчас же и ей стало не до него, потому что голубоглазая Снегурочка вышла на середину. Голос у Наташи был милый, а песню она пела лукавую.

Если нравится тебе, то делай так!

Наташа два раза хлопнула в ладоши,

Если нравится тебе, то делай так!

Еще два хлопка.

Если нравится тебе, то и другим ты покажи.

Если нравится тебе, то делай так!

Слова в куплетах повторялись одни и те же, а движения были разными. Сначала хлопки в ладоши, потом по коленям, потом палец к щеке и сказать «ай-ай», и наконец, когда уже все, кроме Наташи, устали, все это проделывалось сразу. Трудно было подобрать песню веселее. Наташа и сама радовалась не меньше малышей, хоть самую капельку и пыталась походить на известную эстрадную певицу. Она пела и пританцовывала, идя по кругу, и каждому доставалась ее улыбка. Массовик аплодировал ей, не жалея ладоней. Второклассники гордились своей вожатой, каждому хотелось потрогать ее шубку, отороченную блестящей ватой, или, еще лучше, пройти рядом, держась за Наташину руку, в хороводе вокруг елки!

— А сейчас призы! — закричал массовик. — Призы за лучшие номера! Дед Мороз! Ваше мнение!

Аkkордеонист снова и снова играл туш, победителям аплодировали. Дед Мороз доставал из мешка награды.

— У тебя что? — спросила Таню курносенькая девочка.

— Солдатик, — показала Таня.

— А у меня вот что. Видишь, хвостик какой? А Смир-

нов весь праздник около своей шубы просидел Вот дурак, правда?

— Правда, — согласилась Ганя.

Кто-то взял ее за руку, потянул, и вот уже Таня бежала вокруг елки вместе со всеми в последнем прощальном хороводе. Лампочки разноцветными шишками выгладывали из елочной зелени, кружились вместе с ребятами яркие шары. Тане было весело, она смеялась.

У ворот школы Таню встретил папа.

— Ну как дела? Повеселилась?

— Да! — Таня выбежала румяная. — Вот что дали. За танец. А Наташа цела.

— Здорово, — папа разглядел солдатика. — Молодчина.

Дорога от школы была вся в «раскатах», таких ледяных отрезочках. Таня не пропускала ни одного, разбежалась, ехала и опять бежала до следующей раскатки. Папа торопился следом, потому что Таня с ним разговаривала.

— У нас только у одного Смирнова к мешку пришто: «Ну, погоди!» — рассказывала она на бегу.

— К какому мешку? — удивился папа.

— Для обуви.

Таня разбежалась и проехала на корточках.

— Я еще пистолетиком могу.

— Давай, — разрешил папа, и Таня поехала, вытянув прямо перед собой одну ногу.

Папа любовался со стороны, какая дочка румяная и ловкая. Таня видела, что любовался, и сама капельку форсила. Настроенне у нее было очень хорошее, впереди — каникулы.

— Наверное, Смирнова мама думает, что его любят в школе, — сказала вдруг Таня и больше не захотела кататься.

— А его разве не любят?

Таня взяла папу за руку, пошла рядом.

— Ему сегодня никто доброго слова не сказал. И я не сказала.

— Ну, — он махнул рукой, — начинается самобичевание. Смотри, как я.

Он разбежался, выехал на ледяную дорожку и не удержался, упал. Таня рассмеялась и повалилась сверху.

Скрипел морозный снег под ногами прохожих. Нас-

тоящий, взрослый Новый год должен был наступить только завтра ночью.

Когда Таня легла спать, мама и папа принесли с балкона елку. Папа вставил ее в крестовину, обрубит нижние ветки. За ночь елка должна была освободиться от льдинок, согреться, и утром встать в углу комнаты.

Раньше елку наряжали вместе бабушка и Таня. А внизу усаживались Жан-Жак, Шего, Нимфа и вставал Дед Мороз. Таня слышала, как шелестели за дверью елочные ветви, и думала, что, может быть, пусть в этом году елка стоит ненарядная. Или нет, папа и мама расстроятся, что у нее такая скучная елка. Тогда пусть они наряжают вместе с ней. И песни елочные тоже пусть поют. Одна она не будет. Таня стала вспоминать песни, которые пели в бабушкином детском саду, а папа и мама на кухне сели пить чай.

— Все-таки я обратил бы внимание на ее первую систему, — шепотом сказал папа. — Вечно ей всех жалко. Чуть что — слезы. Отец с матерью нормальные, а дочь — неврастенок.

— Мне кажется, она после экзамена в музыкальную школу изменилась, — тоже шепотом ответила мама.

— Да ну, ерунда, — рассердился папа. — Надо заниматься ребенком, а мы обрадовались, что она тихая. Ты занята, я занят, а в результате у девочки никаких радостей. А музыке надо учить. Профессией это делать необязательно, а для себя — пожалуйста! Хочет — пусть учится.

Кукушка из ходиков откуковала время, старательно наклоняя головку.

— Надо найти педагога, — сказала мама, — может, узнаешь у Кустовых?

Папа проерил свои часы — кукушка чуть-чуть поторопилась.

— Прежде чем педагога приглашать — надо инструмент сменить. Нашего рояля любые нервы не выдержат, отремонтировать его — одна канитель. Да и хочется Таньке подарок сделать — хорошее пианино.

— Она рояль любит, — вздохнула мама.

— Она и пианино любит, — возразил папа. — Что я ее не знаю, что ли? Дети вообще любят новое, да и в комнате станет свободнее.

Мама прислушалась, подошла к двери детской комнаты, приоткрыла ее.

— Мама, — шепотом позвала Таня, — мама, у нас все хорошо?

Мама подошла, поправила сползшее одеяло.

— Все хорошо, родненькая. Положи ручки как следует.

Таня опять осталась в темноте, только чуть серебрилось от мороза окно. В ее комнате уже начало пахнуть хвоей.

Утром Таня занялась игрушечным ящиком, надо было все приготовить к встрече Нового года. Там на дне лежали нерасчесанные куклы и еще много чего, но вначале Таня достала Жан-Жака и села с ним за рояль.

— Ну, — басом сказал ей Жан-Жак, — вальс играть легко. Вальс может каждый, кто умеет считать до трех. Один раз надо ударить левой лапой, два раза правой, вот и получается вальс. Когда наступит Новый год, я обязательно сыграю вам вальс. Шего пусть пригласит Нимфу, а ты можешь танцевать с мамой или папой.

— Попробуй сейчас, — попросила Таня Жан-Жака, и он немножко ей поиграл. Вальс был веселый, чуть задумчивый, настоящий новогодний. Потом Жан-Жак устал, Таня посадила его на рояль и стала рассказывать ему сказку.

— Мальчика звали Кей, а девочку Герда. У Кея был дома телефон. Герда возьмет да и позвонит ему, а сама молчит. — Она прижала кулак к уху. — А Кей догадывается, кто звонит, а сам нарочно спрашивает: «Алло! Это Ирочка?» — Жан-Жак засмеялся и Таня тоже. Потом погладила клавиши, задумалась.

— Один раз они были дома одни, — сказала она, — и вдруг заскрипели ступеньки.

Правой рукой Таня повела неторопливую и ласковую мелодию, но в левой она была тревожной и прерывистой.

— Это идет наша бабушка, — тихонько сказала Таня Жан-Жаку, — она устала, ей трудно дышать. Она спросит у нас: «Ну, как вы живете? Рояль мой еще не починили?»

Таня перестала играть.

Где-то далеко невидимый баян вывел знакомую ей мелодию. Таня сидела, выпрямившись на стуле, слушала.

Руки лежали на коленях, лицо поднято вверх, и Жан-Жаку оно показалось незнакомым.

Падал снег. На автобусной остановке всегда люди. И те, кто уезжал, и те, кто приехал, читали вывешенное на столбе объявление:

«Продается рояль в плохом состоянии.
Очень недорого. Смотреть по адресу...»

Шел снег. Таня прижимала к уху телефонную трубку,
— Алло, — сказал Косцов, — слушайте, кто вы? Что вы все время дышите и молчите, черт возьми!

— Папа говорит, что рояль надо выкинуть, — сказала Таня.

— Дурак этот папа! Кто же выкидывает рояли! А кто это?

— Я Таня, помните? Мы в бабушкином детсадыке познакомились.

— А... Это ты все время звонила?

— Да, я.

— Понятно. Ну, как живешь?

— Вы не приедете?

— Понимаешь, у меня дел выше головы. Честно говоря, я на своего старика надеялся. Отец у меня настройщик. Я вместо него тогда приезжал. А он заболел сейчас.

— Передавайте ему привет, — сказала Таня. — Пусть выздоравливает.

Она вышла из телефонной будки, остановилась, подняла голову. Снег падал все сильнее и гуще.

После каникул школе трудно успокоиться. На большой перемене только организованные дети прогуливались парами, играли в тихие игры. Неорганизованные шумели за всех. Во 2 «Б» изо всех сил хлопали ладони об ладони, изо всех сил выкрикивались слова на неизвестном языке:

Цоп, цап, цайда-брайда,
Риту, малайда брайда.

Это веселились девочки, собравшись в кружок. Толстая девочка со среднего ряда наблюдала за подругами,

сидя на парте, кричать ей не хотелось. Ее сосед по парте жевал яблоко. Девочка постучала ему пальцем по голове.

— У тебя котелок варит? — спросила она.

Сосед перестал жевать.

— Варит, — неуверенно сказал он.

— А почему дым из ушей не идет? — обрадовалась толстуха.

Сергеева Таня рисовала, около нее стояла курносенькая девочка.

— Мы с тобой настоящие друзья? Правда? — спросила курносенькая и посмотрела на толстую, слышала ли та. — Другие просто так, а мы настоящие. Да?

— Да, — ответила Таня, разглядывая рисунок.

— А у тебя таких ластиков два? — спросила курносенькая.

— Один, — Таня поискала зеленый карандаш для травы.

— Жалко, — сказала курносенькая. — А мы с тобой друзья. У нас все поровну, правда?

— Правда, — сказала Таня и посмотрела на нее, — возьми ластик.

Толстая девочка показала им язык и отвернулась.

— Положи указку, — закричала она рослому мальчику, который прыгал у доски, подняв указку как шпагу. — Положи, Ирина Петровна ругается!

— Вначале убью Толю! — крикнул рослый. — Прочь с моей дороги.

Делая выпады, он приблизился к Толе Смирнову.

— Защищайся! Кишки выпущу!

Но Толя не стал защищаться. Он выхватил указку и сломал ее о колено. Этого никто не ждал.

— Вот, — сказал Толя, — чтоб не лез!

В классе стало тихо, и в эту минуту вошла Ирина Петровна.

— Сейчас я зашла в первый класс, — сказала она, — господи, какой там порядок! Какая тишина! А у нас?

Ирина Петровна смотрела на обломки указки, в коридоре заливался звонок на урок.

— Так, — сказала Ирина Петровна. — Так. Кто это сделал?

Класс молчал.

— Я не буду вести урок, — сказала Ирина Петров-

на, — пусть тот, кто не имеет мужества признаться, знает, что он подводит своих товарищей. Мы останемся и после уроков. Ничего, я не спешу.

По классу пополз шепот.

— Кончай, Толя, признавайся...

— Из-за тебя всех...

Толстая девочка подняла руку.

— А мне мама не велела задерживаться.

Таня рисовала. Олень, подняв ветвистую голову, стоял среди елок и берез.

— Кончай, Смирный! — шептал класс.

Толя встал.

— Что же ты намерен делать, Смирнов, — спросила Ирина Петровна. — Может быть, извинишься?

— Не буду, — сказал Толя.

Класс замер.

Было пасмурно, метель бросала на окно вертящийся снег. На кухне горел свет, Сергеевы пили чай.

— Ну, еще что было? — спросил папа.

— Смирнова к директору водили, — Таня старалась сидеть прямо.

— Ничего себе! — удивился папа. — И что же он натворил?

— Указку сломал. Грубил Ирине Петровне.

— Ты подумай! — сказал папа. — Это во втором классе! Что же с ним дальше будет?

— Пусть, — улыбнулась Таня, — ему так лучше. А то он все молчал...

Она показала свою чашку.

— Я все, спасибо. Можно мне пойти?

Папа смотрел ей вслед.

— Слыхала? — спросил он у мамы.

Таня прижалась носом к стеклу, над пустырем метался белый вихрь, снежинки были такие большие, что казались темными. Таня вспомнила, что сани Снежной королевы несли по воздуху большие белые куры, даже огромные. Ей стало страшно этих кур, она подошла к ящику с игрушками, достала Шего, внимательно оглядела его.

— Что это у тебя с ухом? — спросила она у Оленка

— Сломалось, — смутился Шего.

— Не огорчайся, — успокоила его Таня, — ты же любимая игрушка, тебе красота не нужна.

— А у меня была раньше рычалка, — сказал Жан-Жак, едва Таня взяла его в руки, — но я часто падал, и рычалка сломалась. Теперь я медведь просто так. Старый.

Таня подошла к открытому роялю, погладила клавиши.

— И рояль у нас старый, — она присела на круглый стульчик и задумалась.

...Школьный двор был хорошо расчищен, с боков наметены высокие сугробы, твердые, похожие на две снежные крепости. К воротам подкатил темно-вишневый автомобиль, вышел Косцов, запер дверцу, поднялся по ступенькам.

Вестибюль был пуст, шел урок. Нянечка Елена Сергеевна, совсем маленькая от того, что стояла на коленях, замешивала что-то в ведре.

— Здравствуйте, — сказал Косцов, — второй класс в первую смену?

Нянечка взяла с полу плитку кафеля, осмотрела ее, обстукала.

— У нас все классы в первую. Звонок через 25 минут, — она из-под очков глянула на Косцова. — Ноги-то оботрите.

Косцов послушно потопал ногами, огляделся.

-- Второй класс на каком этаже? — спросил он.

— На втором. 2 «А» и 2 «Б». Вам какой нужен?

— Даже и не знаю, — улыбнулся Косцов.

— Папаша чей? — поинтересовалась Елена Сергеевна.

— Нет. Знакомый.

— А то у нас, бывает, папы, которые не живут, вот так-то приходят чаду свою навестить. Домой-то не всякого пускают.

Косцов смотрел, как нянечка положила на плитку раствор, как прилепнула ее к полу.

— Трудно, наверное? — спросил Косцов.

— Трудно не трудно — сама укладываю, — обрадовалась нянечка интересу Косцова. — Сама, кто же будет? Мой участок. Вишь, — показала она, — эта плитка подходит, хоть и бракованная, а эта нет.

Она вздохнула.

— Разве это трудно? Я и печи клала, и шила все сама. Я любую машинку налажу. Автомобиль починю.

Руки у Елены Сергеевны были темные, пальцы широкие и сильные.

— Нас у матери было одиннадцать, я старшая. Отец помер, когда мне четырнадцать было.

Она замолчала, увлеклась работой, Косцов отошел, чтобы не мешать.

Елена Сергеевна как всегда думала не торопясь и подробно, будто рассказывая. Губы ее чуть шевелились, а руки ловко и умно делали свою работу. Косцов смотрел на нее, и ему казалось, он уже видел такую женщину, и так же она легко работала и говорила те же слова. Со стен на него смотрели герон пятилетки. Сталевавар стоял совсем рядом с огненной рекой; тракторист в кепке, сдвинутой на затылок, повернулся к нему темным, потным даже на фотографии лицом. Узбекский ансамбль с разлетевшимися косами улыбался Косцову. Длинные гибкие пальцы аккомпаниатора в тубетейке легко касались поверхности большого бубна.

— Мы с мужем трактористами были, — сказала Елена Сергеевна.

— Трактористами? — переспросил Косцов.

— Ну да, в деревне же. А всю войну за баранкой. Контузило сильно, думала, не поднимусь, — она улыбнулась. — Ничего, сейчас только к погоде ломит.

Она повела рукой.

— Вот вестибюль сама окрасила, окна вымыла.

Косцов почему-то подумал, что как в сущности глупо определенне «музыкальные руки». К чему только они не сумеют приспособиться, человеческие руки! У этого узбека с бубном они сухие и гибкие, а у Рихтера — пальцы недлинные и широкие, как у этой нянечки.

— А муж ваш? — спросил Косцов.

— У него с войны руки в пальцах перебиты. Не больно помощник-то, в детском садике сторожит. У нас с ним и пенсия есть, да у дочки сынов двое, одной ей не поднять.

Нянечка протерла выложенную плитку, полюбовалась. Косцов посмотрел на часы.

— Щас зазвонит, — Елена Сергеевна поднялась с колен, — дочка-то не родная, двоюродной сестры.

Она ушла, и сейчас же залился звонок. Отзвенел, на секунду вернулась тишина, и потом уже полноправно зашумело, закричало, захлопали двери, по лестнице вверх и вниз понеслись голоса и шаги. Косцов вдруг как-то сразу устал от этого шума, потому что не во всяком состоянии человек может радоваться ребячьему гомону. Он потер висок: конечно, это еще от бессонных ночей такая неразбериха в голове. Последнее время по ночам он работал, днем бежал в больницу. Сегодня он заметил, что стал думать, как отец. И заботы к нему пришли отцовские. Он вдруг усомнился, что помнит ту девочку в вязаной шапочке. На втором этаже он услышал музыку и приоткрыл дверь.

Это оказался актальный зал. На освещенной сцене репетировал школьный оркестр. Косцов разглядел и длинного гитариста, и маленького чернявого ударника, и очкастого пианиста. Девочек было две. Одна очень высокая, с мальчишеской стрижкой и хваткой, играла на контрабасе. Вторая, худенькая, нежно-рыжеватая и большеглазая, пела, вернее распевалась, пробуя микрофон.

— Все-таки в этом месте никак не могу вступить, — пожаловалась она, — у вас тут такая спешка начинается.

— Потому что я даю раз, два, три, — загорячился очкастый пианист, — смотри, Наташа, я даю раз, два — раз, два, три. Твой темп ведь, да?

— Это хорошо, — ответила Наташа. Она, пытаясь разобраться, что-то продирижировала, еще раз пропела.

— А дальше Маринка и барабан меня загоняют, понятно? — объяснял ей пианист.

— Давайте еще раз, — басовито сказал гитарист, — пока из зала не погнажи.

Они начали играть, а Наташа запела — зашептала польские слова, улыбаясь в темный зал.

Косцову были интересно, он вошел, тихонечко приоткрыл дверь и остановился, невидимый в конце зала.

— Ничего не понимаю! Разъезжаемся где-то и все! — пианист бросил играть, повернулся к ударнику.

— По-моему, твои штучки, Серый!

— Нет, — сказал Косцов и подошел к сцене — нет, он не виноват. У гитариста был лишний такт, отсюда и поползло. Сейчас, — он быстро поднялся на сцену, — вот с этого места давайте. — Косцов пропел фразу, показал

начало пианисту, потом ударнику, махнул девочке с контрабасом и нагнулся к гитаристу.

— Вот здесь, та-ту, па-бью-па! А теперь пошли.

Подстроилась Наташа, песня склеилась, зазвучала, ребята благодарно заулыбались Косцову, а он вдруг увидел на одном из последних рядов девочку и почему-то сразу догадался, что это Таня.

— Здравствуй, — сказал Косцов, подойдя, — ты что тут делаешь?

— Здравствуйте, — ответила Таня, — я слушаю. Это наша вожатая поет, Наташа. Она и на английском умеет.

— А я думал, не найду тебя, — Косцов сел рядом.

— Вы разве не к ним приехали?

— Нет, к тебе.

— А рояля уже нет, — сказала Таня.

Они разговаривали шепотом. На сцене Наташа самую капельку подражала известной эстрадной певице, но улыбалась так просто и весело, что сходство это тут же исчезало.

...Обманчиво ясный, солнечный день посыпал землю колючими морозными иголочками. Возле одного из подъездов нового блочного дома стояла совсем крошечная старушка, закутанная в большой клетчатый платок. Она стояла неподвижно, как часовой, потому что на запорошенной снегом околоподъездной скамейке был разложен ее товар — несколько пар засунутых один в другой валенок. Старушка давно уже молчала, оттого оживилась навстречу соседке, освободила от платка рот.

— С работы, Сергеевна?

Елена Сергеевна возвращалась с работы довольная. Сказала, что сама выложит плитку около гардероба — и вот вам, выложила. Она поставила на край скамейки большую сумку и бидон.

— Еле жива, — сказала Елена Сергеевна, — стоять-то не холодно?

— Да не тепло, а подышать-то хочется, — старушка заулыбалась беззубым ртом, — а потом забота-то моя, вишь? — она показала рукой на скамейку. — Не знаешь, валенков никому не надоть?

Елена Сергеевна взяла пару, постучала по подошве.

— Без крахмала валяли?

— Скажешь еще, — обиделась старушка, — для себя делали.

— Чего ты их тащила?—Елена Сергеевна проверила, гнутся ли голенища, и положила валенки на место.

— Бросать-то жалко было, — плаксиво оправдывалась старушка, — все барахло с собой из Сибири и приперла, а где его тут складывать? Продать хоть незадорого, они не больно важные.

— Коммерцию развела, — покачала головой Сергеевна. — Ну хоть, правда, у тебя и траты большие. На что ты рояль-то покупала? Кто на нем играть будет?

— Рояль Лешке, — старушка снова стала боевой, — чтоб меня и деда не забывал. Так и Зинке написала: тебе не могла, а уж Лешке купила. Дом продала, дак что ж? Или пожадничает?

— Пойду, — сказала Сергеевна, взявшись за сумку и бидон, — мне еще вечером деду снег помогать чистить.

Старушка придержала соседке дверь, снова запахнула платком рот и застыла возле валенок. Горькие зябкие воспоминания увели ее далеко от этого дома и лавочки, туда, где прошла молодость, где были нужны валенки и она сама была нужна так, как больше не случится.

— Здравствуйте, это вы купили рояль в очень плохом состоянии?

Бабка вздрогнула от неожиданности. Это спросила девочка в красной вязаной шапочке. Бабка не слышала, как они подошли — девочка, которая так серьезно обратилась, и молодой видный мужчина.

— Простите, рояль в плохом состоянии не вы купили? — культурно спросил он.

Бабка испугалась, загородила валенки.

— Да ведь отдавали-то недорого, — жалобно ответила она, не зная, чего ждать.

Они совсем недолго поговорили, потом бабка гордо пошла к двери, а за ней высокий представительный мужчина аккуратной стопкой понес валенки.

...Засучив рукава рубашки, Косцов работал в открытом рояле.

— Тебе голько проводить разрешили, — время от времени напоминал он Тане, — или домой.

— Подожду, — отвечала Таня.

Она сидела на диване пряменькая, напряженная, и рядом с ней, стараясь сидеть так же, примостилась бабка, уже снявшая клетчатый платок. Она тоже была

маленькая и тоже от волнения напряженная — руки на коленях, ноги обуты в обрезанные валенки, пучок на макушке из седой косички.

Бабкин внук Лешка, шестнадцатилетний мальчишка с прыщами на лбу, сидел за столом и делал вид, что читает книгу.

— Гляди-ко, — пихала его бабка, — гляди-ко, учись. Внук взглядывал на Косцова и краснел.

Пальцы Косцова бегали по клавишам, он вслушивался в пассажи, глаза были серьезными и грустными.

— Ничего, — тихо сказал он роялю, — ничего, еще подышишь! — И посмотрел на Таню, как она улыбается. «С возрастом стану совсем как отец», — подумал он, и это его почему-то обрадовало.

— Хочешь поиграть? — спросил он Таню и освободил ей место, — прими работу.

Таня подошла к роялю и, не садясь, тронула басы, будто спросила о чем-то. Правая рука ответила на высоких нотах, и Таня внимательно послушала самый высокий звук и, словно сама пошла за ним, побежала.

Никто, даже сама Таня, не ждала этой музыки, случайной и прекрасной. Косцов, бабка, застенчивый внук — услышали в ней разное, но каждый удивился и обрадовался услышанному, как радуге на небе. А сама Таня тоже удивлялась, разговаривая со своим роялем. Он звучал совсем по-новому, может быть, потому, что был теперь настроен.

...В маленькой прихожей бабка и ее неразговорчивый внук смотрели, как одевались Косцов и Таня.

— Что ж, так и не возьмешь ничего? — радостно, уже в который раз, спрашивала Косцова бабка. — Скок работал!

Видно было, что самой себе бабка казалась очень хитрой и умелой. И не могла остановиться, хотя и видела, что люди спешат.

— Дочка с зятем в командировке, за границей. Все забываю, как место называется. Я и приехала, вызвали. У них ни пианины, ни рояля, грю: как же вы живете? Теперь в деревнях и то норовят. Ну, грю, нет! А тут объявление — недорого! И шас вы, люди-то хорошие, дай господи, — бабка прослезилась. — Може валенки возьмете? Крепкие еще.

— Нет, нет! Что вы, что вы! — отказался Косцов,

— Бабушка, — застыдился внук.

— А ты молчи, — моментально переключилась бабушка, — у тебя язык, что ль, отсохнет? Сколько раз говорила: предложи валенки в школе!

Внук покраснел до слез.

— Кому? Директору? — пробасил он.

Таня засмеялась, улыбулся Косцов, так в хорошем настроении они и вышли на улицу.

Уже стемнело. Стало теплее, пошел снег, сухой и яркий, как елочный. Косцов медленно вел машину. Таня сидела рядом, снежинки бились о зажженные фары и летели куда-то в сторону, оттягивая свое падение на землю.

— То, что ты играла, — просто потрясающе! — говорил Косцов. — Ты себе представить не можешь, какой ты талант!

Он напел мелодию ее музыки, потом просвистел какую-то, уже свою, вариацию и, взволнованный, вздохнул:

— Потрясающе!

Таня молчала, следила за снежинками. Косцов горчился.

— Непременно надо записать и пометить: опус первый.

— Что такое опус? — спросила Таня.

— Это сочинение или произведение, как хочешь. Все, что ты сейчас сочиняешь, — это опус первый. Потом будет второй, третий... Понимаешь?

— Бабушка записывала, — сказала Таня, — только опус не помечала. Она самоучка была.

— Это поразительно, — Косцов опять запел, pokrutil головой — никак не мог успокоиться, — тебе в школу надо, причем в специальную, понимаешь?

— Да, — согласилась Таня, — я весной буду опять поступать.

— А ты разве пыталась уже? — поразился Косцов.

— Вот мой дом, — показала Таня, — а то поведем.

Косцов затормозил.

— Я провожу тебя, — он запер машину.

— А я пешком хожу, — сказала Таня, — на седьмой этаж

— Вот и пойдем пешком. — Косцов взял ее за руку.

Ирина Петровна сидела в классе на своем рабочем месте, за столом. А за партами не ученики, а мамы и папы. Во 2 «Б» проходило родительское собрание.

— И несмотря на то, что третья четверть самая длинная, — рассказывала Ирина Петровна, — результаты она дала неожиданные. Те, которые могли получить хорошие отметки, — не получили их, и наоборот.

У родителей были внимательные лица, даже более внимательные, чем у учеников на уроках.

— Вообще, я довольна, — продолжала Ирина Петровна, — и атмосфера в классе стала лучше, все как-то дружнее, сплоченнее. Вот подготовили выставку рисунков, после собрания можете познакомиться. А теперь хочу сказать о каждом в отдельности. — Ирина Петровна называла фамилии по алфавиту, и до буквы «С» было далеко. Танин папа делал вид, что слушает, а сам краем глаза разглядывал стену с рисунками.

Падали, исходя черным дымом, самолеты со свастикой; около зеленых танков с тоже непомерно большой свастикой росли красные кусты взрывов. К танкам бежали солдаты, у которых звездочки были больше пилотов, изо рта каждого несло «ура», написанное крупными буквами. Было много рисунков с подписями «Зима», «Весна», «Осень». И наконец папа увидел рисунок, которому сразу улыбнулся: олень с рогами-деревом преспокойно, никого не боясь, щипал на опушке траву, а неподалеку, охраняя его, сидела веселая собака. У нее была одна коса с бантом на конце.

— Смирнов Толя, — сказала Ирина Петровна, и Танин папа стал слушать внимательно. — К Толе я долго присматривалась, были у нас даже небольшие конфликты, но сейчас вижу, что мальчик многое может. Немного рассеян, но это поправимо. Далее Сергеева Таня. Очень хорошая девочка, собранная, внимательная. Немного фантазерка, но это мешает только математике.

Папа сидел по всем правилам: руки на парте, локти не висят, спина прямая. Со стены ему улыбалась собака с косой и бантом.

...Оказалось, что Таня ждала его на улице, лазила по сугробам. Папа огорчился.

— Что же ты домой не пошла? Руки ледяные и ноги, наверное, мокрые...

Он надеял ей свои перчатки, поднял воротник.

— На собрании тебя хвалили, а я думал, будут ругать.

Папа всегда шутил, когда чувствовал себя виноватым. И сейчас тоже думал, что из-за него Таня замерзла.

— И твоих подшефных рыб видел.

— А говорили, что Наташа заболела? — спросила она.

— Разве она заболела?

— Да, — Таня боялась, что упадут перчатки, и держала руки поднятыми. — Сказали, в больнице лежит.

— Выздоровеет, — успокоил папа и посмотрел на часы.

— Ты меня покормишь и уйдешь? — спросила Таня.

— Да, родненькая, — папа озаботился, подумал о работе.

— А мама поздно вернется?

— У нес отчет, трудное время.

Они шли мимо детского сада, жестяные матрешки улыбнулись Тане.

— Папа, — попросила Таня, — не ходи на работу.

— Что такое? — испугался папа. — В чем дело, Татьяна?

— У меня тоже какое-то трудное время, — сказала она, но тут же захлопала большими перчатками. Пусть папа думает, что она шутит.

В вестибюле больницы редко кто без халата. В ладно сидящих — врачи и сестры, в накинутых, незастегнутых — посетители, в цветастых, фланелевых — больные.

Таня смотрела, как сверху по лестнице к ней бежала Наташа. Большой длинный халат делал ее непохожей на ту, прежнюю, и только по-прежнему тоненько было перехвачено пояском в талии.

— Таня! — удивилась Наташа. — Ты как сюда? А я думаю, кто?

— Мне сказали, в какой ты палате. Вот, — Таня протянула Наташе апельсин.

— Спасибо, — поблагодарила та.

Они сели на диван рядышком. Вокруг них были белые халаты, фланелевые в цветочек, родственники с полными сумками, а они ели апельсин, разламывая его на дольки.

— Я только в зверей играю, — рассказывала Таня, — мы с бабушкой в куклы не любили.

— Нет, я в куклы. Шила на них все, короны делала. Они у меня принцессами были.

— А мне обещают собаку купить, — сказала Таня, — если решу музыкой не заниматься. Чтоб гуляла больше, и вообще веселей.

— Ух, здорово, — обрадовалась Наташа. — Собаку! Знаешь, мы с мамой мечтали все время. Руководства изучали, книжки по дрессировке. Жутко ответственное дело, оказывается. Я запомнила одно место, там знаешь, как было написано, мне прямо на всю жизнь врезалось: не перепоручайте вашу собаку чужому, если она заболела и ее надо усыпить. Будьте с ней до последней минуты. Понимаешь, что это значит?

— Да, — сказала Таня.

Они посидели молча.

— Знаешь, — сказала Наташа, — ты только не говори никому. Мне так страшно здесь.

Таня подняла упавшую апельсиновую корку.

— А я музыку сочиняю, — сказала она. — Иногда дома, а когда солнце — прямо на улице слышу. Солнце, как колокол, бум, бум. Вначале тихо, потом, если побежать, громче. И тут ветер, как скрипка.

Таня запела, руки ее как будто брали невидимые аккорды.

— А потом все равно опять солнце, потому что оно самое громкое.

— Ой, как здорово! — ахнула Наташа. — Я б так не смогла, — она повторила спетое Таней.

— Да, — обрадовалась Таня, — это ветер. Ты не знаешь, как записать, чтоб и скрипка, и колокол, но только нотами?

— Нет, — Наташа покачала головой, — вообще я представляю партитуру, но вот Мишка у нас в этом здорово разбирается. ПИАНИСТ наш. Помнишь, мне аккомпанировал? Можно у него узнать.

— Ты у него спроси, пожалуйста, — попросила Таня.

— Когда выйду, — Наташа улыбнулась. — Он мне такое смешное письмо с Маринкой передал и подписал: твой раб Михаил.

— А я с одним музыкантом дружу, — сказала Таня, — только он взрослый. Ему понравилось, как ты пела.

— А, помню, он к нам в школу приезжал.

— Мне один раз сон снился, — сказала Таня, — как будто звонит колокол и звон красный.

— Интересно. И что дальше было?

За окном настойчиво капала сосулька, и звук этот казался совсем близким; а больница аукалась где-то далеко, под высокими блестящими потолками, не отвлекая девочек.

— Все кричали: «Красные звоны! Красные звоны!», — продолжала Таня, — и все понимали, что это сигнал бедствия, только никто не знал, какого.

Наташа слушала, глядя в окно. Небо за окном было голубым и высоким. Еще вчера было снежно и пасмурно, и казалось, что весна началась только сейчас. Таня торопилась рассказывать, потому что видела Наташино лицо.

— Я потом взяла и на рояле сыграла, получилось, будто два колокола.

— Сыграешь мне потом? — попросила Наташа.

— Обязательно, сколько хочешь! А у нас в классе все поют твою песенку. Помнишь, ты с нами учила?

— Помню, — Наташа тихонько, красиво пропела:

Если нравится тебе,
То и другим ты покажи...

И Таня тоже тихонько продолжила вместе с ней:

Если нравится тебе,
То делай так!

И только они, развеселясь, начали следующий куплет, как нянечка, чем-то похожая на школьную нянечку, но одетая в белый халат, остановилась около.

— Ты что же делаешь, певица? — строго сказала она Наташе. — Разве тебе можно скакать? Ищуг тебя!

— Ой, и влетит мне! — Наташа махнула рукой. — Пока! Спасибо. Ирине Петровне и ребятам привет!

Она побежала через вестибюль, тоненькая и легкая, несмотря на большой халат, но вдруг вернулась, поцеловала Таню в щеку:

— Ты приходи, если сможешь. А то ко мне только мама и Маринка. Придешь?

— Обязательно, — пообещала Таня.

Наташа бежала по лестнице, придерживая халат, словно длинное платье.

— Станный ребенок, — сказал папа, оглядываясь на дверь в детскую комнату, — странный ребенок! — повторил он тише. — Какие-то секреты появились. Зачем тебе надо было отпускать ее с этим настройщиком? Тоже мне мать!

— Он не настройщик, а композитор, — возразила мама, — а отпустила сознательно. Нельзя так резко, — продали и все.

— А в результате с ней говорить невозможно, — рассердился папа. — Взяла привычку отвечать то, что, по ее мнению, должно мне нравиться. Злит это угодничество ужасно

— Нервная, — вздохнула мама. — И возраст такой. Гуляет мало.

Она прислушалась и пошла в комнату. Таня лежала, как всегда, на боку, свет из открытой двери падал на ее диванчик. Мама поправила одеяло, а Таня прижала к лицу мамы пальцы.

— Мама, — спросила она, — а ты меня никому не передоверишь?

— Про что ты? — мама наклонилась ближе.

— Ну, если я заболю, или меня совсем никуда не примут?

— Спи, доченька, одиннадцатый час. Ни про что не думай.

Мама закрыла дверь в комнату, села рядом с папой.

— Устала, — сказала она.

— Ты? — папа обнял ее за плечи.

— И я, и она. Может, ты и прав. При таких нервах — музыка лишняя нагрузка.

— Опять крайности, — покачал головой папа. — Завтра привезем пианино, увидишь, все пойдет по-другому.

Бежал ручеек, искал себе дорогу в грязном, уже осевшем снегу, бежал прямо под телефонную будку. В будке Таня набирала номер, она по-весеннему — в синем пальтишке и красной вязаной шапочке.

Косцов сидел за роялем и чертил на чистых потных листах закорючки и рожицы. Он снял трубку.

— Это я, Таня, — услышал он, — Здравствуйте! Это я, Таня! А мне пианино купили.

— Как живешь? Сочиняешь?

— Немного. А вы?

— Я совсем что-то не того...

— Папа говорит, хорошо бы, твой композитор пианино посмотрел. Вы приедете?

— Ты прости, — Косцов потер лоб. — У меня ведь отец еще в больнице... Ты прости. Позвонишь через недельку?

— Позвоню, — сказала Таня.

Они оба помолчали, никто не вешал трубку первым. Косцов взял аккорд, и Таня услышала.

— У вас рояль? — спросила она.

— Да, — сказал Косцов, — очень старый рояль.

Он решил, что Таню надо показать кому-то, кто работает с детьми. Витьке хотя бы.

Ручеек бежал под телефонную будку, а Таня уходила от нее все дальше. На ней были резиновые сапожки, поэтому лужи она старалась не обходить.

За забором детского сада царапала лопата, стучал лом, кто-то убирал тающий снег. Таня смотрела вверх, на закрытые окна музыкального зала. За ними было тихо, но Таня ждала и, как могла внимательно, вслушивалась, вглядывалась в эти всегда звучащие для нее окна. И вот не сама музыка, а только подготовка к ней подошла к девочке. Инструменты, как разные голоса, обступили ее, они всплескивали совсем рядом, а потом отделялись и пропадали совсем. Таня торопила их, и голоса инструментов звучали все ближе и решительнее, вот они уже начали объединяться в оркестр, и Тане оставалось только дать этому оркестру вступление.

— Кто тут? — Елена Сергеевна с лопатой в руках подошла к забору. — Ты что? Воскресенье, никого нет.

— Я знаю. Я так. Сторожите?

— Сторожим. Хочешь, заходи. Мы тут со стариком вдвоем. — Елена Сергеевна впустила Таню, прикрыла калитку и снова стала отбрасывать тяжелый снег большой деревянной лопатой. Таня пошла по дорожке вокруг. Полуразвалившиеся горки и тающие снежные бабы казались сказочными от тишины и безлюдья. Пожилой мужчина в телогрейке курил, опираясь на лом,

— Внучка Татьяны Андреевны?—спросил он весело,
— Да, — ответила Таня. — Здравствуйте, Павел Иванович.

— Приветствую. Выросла, на бабушку похожа. А к нам зачем?

— Так, — сказала она.

Она смотрела на кусочки разбитого ломом льда, они блестели. Таня прищурилась, блеск стал колючим, он резал глаза до слез.

— Лена! — позвал Павел Иванович. — Может, чайку поставишь?

Странно выглядел детский сад без детей. Даже веселые фотографии с подписями: «А мы работаем», «Я сам умываюсь» и «Дружим с докторами», в этой тишине выглядели уныло. В коридоре на маленьком столике Елена Сергеевна расположила три чайные чашки, чайник и хлеб на тарелке. Таня сняла только пальтишко, сидела в клетчатом платье и шапке.

— Ты, значит, теперь с кем же бываешь-то? — Елена Сергеевна налила Тане на блюдце.

— Мама проводит меня и уезжает. А папа со мной обедает.

— Отец у нее хороший, серьезный. В ремесленном преподает, — объяснила Елена Сергеевна мужу.

— Ну, что ж, — согласился Павел Иванович, — в кого им плохим быть? Учились, работают с призванием. Ты-то не по-бабушкиному пойдешь? — спросил он.

— Не знаю, — сказала Таня. — Мне пианино купили.

Елена Сергеевна указала на фотографию, среди других висевшую на стенде: «Хорошо у нас в саду».

— Вот она — Татьяна Андреевна. Улыбается. Считай год, как другая работает, и хорошая, а фотографию берегут, не снимают.

— Помнят ее, — сказал Павел Иванович. — И ребятишки любили. Заиграет на баяне — сама веселая, и им весело. Ребятишки — они понимают.

Павел Иванович держал чашку обеими руками, поднимал и ставил ее осторожно. Пальцы его, очень толстые в суставах, словно не могли отлепиться от теплых фаянсовых боков. Только и было в нем сурового, что руки, темные, большие и непослушные, а лицо тихое, улыбочивое и смущенное.

Таня смотрела на Павла Ивановича, и ей хотелось, чтобы он говорил долго, потому что голос его походил на петоропливую мелодию, ее даже можно было спеть.

— Ты-то играешь или забыла? — спросил Павел Иванович и подмигнул Тане, мол, отвечай, как есть, не осудим.

— Бабушка в ней души не чаяла, — Елена Сергеевна сидела, пригорюнься, вздыхала. — Все, бывало, говорила, что для детей музыка — главное. И ее, говорила, выучу. Пусть музыкантом будет.

— Я умею, — сказала Таня. — Хотите, сыграю?

— Зал-то отперт, отчего ж, с удовольствием, — Павел Иванович осторожно поставил чашку.

Таня положила руки на клавиши, но играть не начала.

Маленькие стульчики часто стояли вдоль стен зала. На два присели рядышком Елена Сергеевна и Павел Иванович. Сквозь стекла смотрели запертые в шкафу игрушки, все казалось чуть сумрачным от опущенных штор.

«Сейчас будет солнце», — подумала девочка и взяла первый аккорд. Тихо, будто далеко ударило в колокол, и вот еще аккорд, это блики. Солнце поднимается и ударяет в гулкие огненные колокола. Бум, бум... Солнце поднялось, слепит глаза и нетерпимо-тревожно несется по всей земле звон. Красный звон. Да он и не один, этот колокол, сотни таких же раскаленных вступают с разных сторон, перекликаясь, все небо горит ярким красным огнем, от него не спрячешься. Таня зовет ветер, он один может остудить колокольный жар. И ветер послушался, взметнулся скрипичным порывом, и вот уже солнце уняло тревогу, колокола его зазвучали спокойно и величаво, никого не пугая. Солнце самое громкое, а ветер умеет петь, как скрипка, красные звоны — это только сон. «Мне часто снится страшное», — думала Таня, и музыка под ее руками успокоилась, шла негромко и радостно.

Елена Сергеевна и Павел Иванович неудобно сидели на низеньких стульях.

— Серьезная музыка, — сказал Павел Иванович, — спасибо. Это нам как уважение от тебя, мы ведь непонимающие.

— А ты бабушкиного ничего не знаешь? Что она с ребятишками учила? — спросила Елена Сергеевна, —

Мы и дома, бывало, все эти песни поем. Внучек наш сюда ходил, Толя.

— Смирнов Толя? — догадалась Таня.

— Смирнов, — заулыбался Павел Иванович. — Ты, небось, знаешь его? Застенчивый. В школе к бабке родной не подойдет.

Таня подумала немного, попробовала рукой мелодию.

— Вот, — обрадовалась Елена Сергеевна. — И Толенька-то, бывало, это пел. Попросишь его маленького — спой, он и поет.

Она тихонько подпела, засмушалась, а Таня уверенно нашла мелодию в правой руке, вот и левая подстроилась понемножку, и Таня запела звонко и радостно, так, как всегда пела детям ее бабушка:

По малинку в сад пойдем,
В сад пойдем, в сад пойдем.
Плясовую заведем, заведем,
Заведем.

И Павел Иванович загудел что-то похожее, внимательно, с уважением глядя на пальцы Тани.

Солнышко во дворе,
А в саду тропинка.
Сладкая ты моя,
Ягодка малинка.

А Елена Сергеевна вдруг встала и прошла, раскинув руки, да и притопнула еще перед Павлом Ивановичем. И тот заулыбался ей, и плечом, и головой повел — того гляди встанет. Только руки его, словно навсегда отказавшиеся жить, тяжело и безмолвно лежали на коленях.

— Ну, вот, — Елена Сергеевна застегивала на Тани пальтишко, — вот и помянули мы бабушку. И она-то, небось, рада.

— Рада? — переспросила Таня.

— А ты как думаешь? Сколько бабушка доброты в себе носила, на похороны люди с разных мест приехали.

— Я не видела, — сказала Таня. — Меня в Ленинград увезли. Еще раньше.

— На кладбище речь сказали, мол, всю жизнь Тать-

яна Андреевна добротой жила. — Елена Сергеевна вытерла глаза. — А доброта, она и после человека живет, и всякой памяти о себе рада.

Голос у Елены Сергеевны прервался, она махнула рукой, достала платок. Павел Иванович стоял рядом, качал головой, вздыхал.

— Добро само не забывается, а про зло насильно не забудешь, — он поднял свои неживые пальцы. — Сколько годов я про войну забыть не могу. Каждую минуту вспоминаю.

— Мы ведь воевали, — тихо сказала Елена Сергеевна, — я-то еще ничего, а у него, вишь, руки.

Таня стояла совсем одетая, но все не уходила. Она тянула завязки своей шапочки, смотрела на Елену Сергеевну и Павла Ивановича, и те понимали, что надо сказать что-то еще, необходимое этой девочке.

— А ты, пока маленькая, про зло не думай, на что оно тебе. Ты про добро чаще вспоминай. — Павел Иванович наклонился к Таниному лицу. — Ты ведь за всех одна, как копилка. Бабушка теперь твоими глазами на свет гляди! А там и мамка с папкой ими же глядеть станут. Так что ходи веселей.

Он погладил Таню по рукаву пальтишка.

— Как там? — спросил он и улыбнулся. — Солнышко во дворе, а во рту малинка? Так, что ли?

Таня долго оглядывалась, а старики стояли у ворот и смотрели ей вслед.

— Под ноги смотри! — крикнула Елена Сергеевна. — Вон сколько воды натопило.

А лужи и вправду стали такими глубокими, что даже в сапогах ступить в них было опасно. И пустырь, конечно, весь уже покрыт водой, а Танин дом со сверкающими на солнце окнами отражался в этой воде вверх ногами. «Все-таки он не похож на слона. — подумала Таня, — просто это мой дом». Она увидела в окне маму и помахала ей рукой. «Буду смелая и буду ездить в лифте», — решила Таня. Она спокойно доехала до седьмого этажа, даже не очень торопилась, когда выходила. Мама уже ждала ее.

— Так долго. Мы волновались...

Вышел папа, вид у него был серьезный.

— Я знаю. — сказала Таня, снимая пальтишко, — я больше не буду. Я на лифте приехала.

Она смотрела на них, и они смотрели на нее и почему-то больше ничего не сказали про то, что Таня виновата.

— Пойдем обедать,—сказал папа уже не сердито,—мы тебя ждали. Расскажешь, где была.

После обеда Таня в своей комнате достала из ящика игрушки.

— Жан-Жак — бабушка, — приговаривала она. — Шего — бабушка, Нимфа — бабушка. Музыкальное сопровождение — тоже бабушка. Она посадила их на новое пианино и полюбовалась. Зверям было удобно. Таня села на стульчик, покрутилась по привычке.

— Сегодня мы будем все вспоминать, — сказала она, — и все это будет жить с нами, как только мы захотим. Помните, например, как вы с бабушкой ждали меня из Крыма и разучивали песню? Ее тоже надо помнить.

Оказалось, что игрушки и не забывали этой песни. Они сразу вместе с Таней начали петь.

Мы соскучились по Тане,
Возвращайся поскорей!
Мы сидим в закрытой спальне,
Глаз не сводим мы с дверей!

Тане стало весело, и все вокруг развеселились. Звери улыбались, однокосая собака на рисунке смотрела приветливо, и, в конце концов, новое пианино оказалось прекрасным. Папа был прав, Таня действительно рада новому пианино. Она пела, улыбалась и рассматривала свое отражение в яркой блестящей крышке.

— И вот какой уговор, — сказала она игрушкам почти шепотом. — Ни про что не забывать. И про рояль тоже. Надо помнить всем изо всех сил, и тогда все, что уходит, на самом деле никуда не денется.

Таня нажала клавишу, послушала и к этому звуку добавила другой, такой же глубокий, потом, уже смелее, еще несколько. Мелодия в правой руке простая и добрая. Таня рада, что нашла ее. У этой мелодии очень знакомый голос.

— Это шаги нашей бабушки, слышите? — спросила она. Левая ее рука подыграла короткий обрывистый мотив, он будто стук запыхавшегося сердца.

— Бабушка совсем чуть-чуть устала, — успокоила себя Таня, — и она спросит у нее: «Ну, как вы тут живете? Я смотрю, у вас новое пианино? Послушаем, как оно звучит!» И Таня, как перед самым ответственным испытанием, взяла первый аккорд.

Ирина Петровна оглядела ряды парт.

— Сядьте прямо, — сказала она. — Ваше сочинение называется «Мой воскресный день». Это ваше первое сочинение, и я все объясню, прежде чем вы начнете писать.

Таня сидела пряменькая и внимательная, только пальцы рук чуть заметно, по привычке, перебирали невидимые клавиши.

— Сочинение должно быть не очень длинным, — продолжала Ирина Петровна. — Опишите то, что вам запомнилось больше всего.

Склонились к тетрадам головы, поползли по классу шорохи и вздохи, а Таня сидела все такая же пряменькая и внимательная, руки на парте, глаза на Ирину Петровну.

— Не шепчитесь, — сказала Ирина Петровна. — Сергеева, начинай работать, время идет. Да что с тобой, Таня! — вдруг испугалась она. — О чем ты думаешь?

— У Толи Смирнова дедушка — герой, — сказала Таня.

Ребята перестали писать, подняли головы от тетрадей. Ирина Петровна вздохнула:

— Откуда ты знаешь? — спросила она.

— Я знаю, — Таня встала. — Я думаю, что и его бабушка тоже герой.

Ребята засмеялись, Толя пригнулся к парте.

— Очень хорошо, — сказала Ирина Петровна, — мы пригласим их к нам в День Победы и попросим рассказать, как они воевали. А сейчас пиши про свой выходной день.

— Только не забудьте, пожалуйста, пригласить, — сказала Таня беспокойно.

«Фантазерка, — думала Ирина Петровна, глядя на склоненную голову Тани. — Ох, уж эти художественные натуры!»

После уроков Таня быстрее всех оделась и помчалась на улицу. Папа ждал ее около школы, Таня бежала к нему изо всех сил.

— Дедушку Толи Смирнова в День Победы вспомнить! — крикнула она, еще не добежав.

— Дался тебе этот Смирнов, — улыбнулся папа и покружил Таню, прижавшись лицом к вязаной шапочке.

Солнце било в оконные стекла и рассыпалось малиновым перезвоном. А стоило побежать, нет лучше вприпрыжку, с ноги на ногу, и появились трубы. Вот совсем быстро — раз, два, три, четыре — это уже марш. Таня скакала по улице, в каждой руке по апельсину. Уже совсем весна но еще нет на деревьях листьев, даже почки не надулись.

Таня с грудом открыла тяжелую-дверь, руки заняты. Она протиснулась еле-еле, и ей стало смешно. Больничный вестибюль был почти пуст, только несколько родственников с сумками. Сидели на диване в пальто, молчали, ждали. Подошла к ним медсестра, принесла записки.

— Ты к кому? — спросила она у Тани.

— Мне Наташу из нашей школы. В пятой палате.

Медсестра посмотрела строго, и Таня вспомнила, что Наташе нельзя выходить из палаты.

— Или вот, — Таня показала апельсины, — передать...

Медсестра заторопилась, будто ее позвали, апельсинов не взяла. Таня стала ждать. Она рассматривала списки больных, когда подошла нянечка, похожая на Елену Сергеевну, только халат белый.

— Ты из школы, што ль? — спросила нянечка.

— Да, — ответила Таня.

— А взрослые с тобой кто есть? Учителя?

— Нет, — сказала она — Я сама. — Мне Наташу из пятой палаты... Можно?

— Нету ее, — нянечка почему-то начала подметать прямо около Таниных ног, будто она насорила.

— Как нету? — не поняла Таня.

— Так! — нянечка вдруг рассердилась. — Иди, голубушка, иди с богом. Говорить с вами — только сердце рвать. Иди, дорогая. Больница это, нечего тут детям делать. И что это родители не соображают? Пускают, а куда? Господи, господи...

Нянечка говорила быстро, а сама все мела и мела. Веник махал в ее руках, будто тоже выпроваживал де-

вочку. А Таня все не уходила и изо всех сил прижимала к пальтишку два апельсина.

Окна вестибюля большие и чистые, а за ними небо, высокое, как летом. Вот только почки еще очень малы и ветки деревьев кажутся засохшими.

А школьный двор совсем просох. Вдоль и поперек исчертили его классики. Скакали «одноножковые», скребли асфальт плоские баночки.

— Покат не виноват! — кричала какая-то девочка.

— А у нас виноват, — отвечали ей.

Прыгали уже раздетыми, от галстуков и белых воротничков ярко и празднично.

А здесь скакали через веревочку девочки из 2 «Б». Двое вертели, а остальные в очередь подскакивали под нее.

— Я только вбегать не умею, — объясняла очереди толстенная девочка из 2 «Б». — Можно мне с места?

— Ага, какая хитрая, — крикнула курносенькая, — с места каждый сможет. Правда, Тань?

— Правда, — смеялась Таня.

Вот подошла ее очередь, и она, не промедлив, как и положено, влетела под веревку.

— Раз, два, три, четыре, — считали все хором.

Таня выбежала, встала в конец очереди.

— Толя, — крикнула она, — Толя Смирнов! Иди! За мной будешь!

— Что я, девчонка, — солидно ответил Толя. Он стоял среди мальчишек-одноклассников, и все с завистью глядели, как мелькала веревка, как прыгали девчонки. Здорово! Весело!

Красиво это, школа весной во время перемены. Открыты окна, сидят на подоконниках старшеклассницы. Кто-то напевает, кто-то рассматривает весенние облака. Хорошо.

Был совсем не поздний вечер, и кукушка, когда выскочила куковать девять раз, удивилась, что дверь в детскую закрыта и папа с мамой сели беседовать так рано.

— Надо решать, будем или нет, — сказала мама.

— Да я не замечаю, чтоб она уж очень горела, — раздумывал папа. — Раньше чаще и за инструмент садилась и говорила об этом.

— Раньше — это когда был рояль, — грустно уточнила мама.

— А оценки по математике лучше стали, заметила? — попытался перевести разговор папа.

— Заметила. Боюсь только, что мы слишком активно хотим Таньке добра.

Мама сегодня про все говорила очень грустно.

— Да, — вздохнул папа, — дети — вечная проблема, никуда не денешься... Ты думаешь, она не заболела? — обеспокоился он и посмотрел на дверь. — Легла рано.

— Температура нормальная, посмотрим, — мама смотрела в окно.

Папа потрогал чайник. Остыл. Не вставая со стула, перенес его на плиту. Сегодня все было наоборот, сегодня ему приходилось успокаивать маму.

— Ну, привлечите своего композитора, — сказал он, — покумекаем с ним, как быть с музыкальной школой.

— А зря мы ее увезли, когда бабушка умерла, — сказала вдруг мама. — Этого Танька нам и не может простить.

— Мы же думали, что для нее так лучше. Все-таки она ребенок...

Папа совсем растерянно оглянулся на дверь.

— Наверное, мы никогда не узнаем, что для нее лучше, — сказала мама, — наверное, никогда...

— Господи! — вздохнул папа. — У кого бы научиться жить попроще. Одни трагедии.

Косцов знал, что сочетание абстрактных картин и старинных дверных ручек очень модно, но сегодня именно это его почему-то сердило. Он молчал и пил кофе.

— Понимаешь, тут все непросто. Ну, во-первых, почему ты решил показать ее нам? Честно? Ты ведь и сам не хуже смыслишь.

— Думал, больше разглядите, поймете. Ну и можете.

— Ага! Одним словом, сам толком не уверен — талант или нет? — Косцов сидел на диване, а Виктор, худенький, с прямыми светлыми волосами и мелкими чертами лица, ходил по комнате.

— Вот я еще прошу — играешь здесь, хорошо. Те-

перь начни с этой ноты то же самое. Начала, очень неуверенно, ошиблась — и все. — Виктор развел руками.

— Значит, о редком даровании речь идти не может, — продолжал он, — хорошо, оставим большие способности. Но всг Людка ее слушала, говорит, слух там на абсолютный, как ты говорил, не тянет. Спроси у нее сам.

Косцов молчал, пил кофе маленькими глотками. А Виктор привел Людку, жену, в брючках и цветастом батничке. Она была молоденькая и очень гордая тем, что и специалист, и хозяйка дома.

— Ну, а что, собственно, ты ему доказываешь? — сказала она мужу. — Он и без тебя не дурак. Девочка хорошая, уменькая. Жалко, пугливая очень. Заниматься музыкой может, и пожалуйста, дорога открыта. Что касается необыкновенного дарования, которым следует заниматься особенно, не уверена. Если его и нет — от этого не умирают.

Люда открыла бар, достала бутылку вина.

Косцов вспомнил, как Таня рассказывала ему про речку, которая течет прямо на заходящее солнце и сама делается огненно-красной. Он вдруг подумал, что хорошо бы съездить туда с отцом.

— Ну, хорошо. А сочинения ее? — Косцов поставил чашку прямо на диван. — Я же собственными ушами слышал, как она играла. И я представляю, что у нее тут! — Косцов ткнул себя в лоб. — Если она при отсутствии музыкальной подготовки такое играет.

— А повторить не может! — Виктор подхватил так же горячо, как Косцов. — Я с ней уж по-хорошему, я с детьми умею. Говорю, ну хоть что-нибудь свое сыграй! Ни-ни! Прошу: изобрази мне, например, как ты в лесу гуляешь. Ткнула пару нот — говорит, не могу!

— Я бы тоже не смог, — сердито сказал Косцов.

— Ты это брось! Я тебе скажу по опыту: никакого вундеркинства здесь нет. Они теперь все такие. И потом: у детей многое бессознательно, а мы, взрослые, слешим бог знает что в этом увидеть! — Витька говорил уверенно. Косцов слушал, кивал головой, смотрел рассеянно. «Вы придете?» — вспомнил он ее голосок в телефонной трубке. И отец тоже спрашивает: «Ты приедешь?» Какне они все-таки беззащитные, дети и старики.

— Талант — это когда не от случая к случаю, — объяснял юварищ. — Талант — это когда так и прет.

— Понимаешь, у Тани твоей замкнутость какая-то еще... С детьми вообще трудно, — успокаивала Косцова Людка. — Когда нет опыта, с ними трудно.

Они стояли перед Косцовым, и им хотелось скорей перевести этот разговор на другой, о жизни, о планах на лето.

— Ну, в общем, — подытожил Виктор, — когда не докопаешься, то это уже не талант. Извини, кое-какой опыт у меня все-таки есть.

Он опять развел руками.

— Нет, — сказал Косцов. — Нет, это талант!

Он встал.

«Не верю, не верю я вам, — думал Косцов, шагая к троллейбусной остановке. Сначала он обиделся за Таню, за ее бабушку, за своего отца. Потом разозлился. — «Ты с этим шел ко мне, и мог остановиться у трактира, и слушать скрипача слепого?» — Тоже мне — Сальери фигов! Без вашего опыта обойдусь».

Есть цветы, которые надо сажать рассадой. Посадишь весной — и все лето на них цветок за цветком. Анютины глазки, например, или маргаритки так высаживаются. Сергеевы именно такую рассадку и привезли на кладбище, она лежала в газете, корешки закрыты от солнца. Мама делала под цветы луночки, папа красил ограду, а Таня выпалывала траву.

— Вон там вырви крапиву, — показала мама.

— Не обожгись, — сказал папа, — возьми мой платок.

— Травы несколько не оставлять? — спросила Таня. — С ней тоже красиво.

— Да нет, — ответила мама, — пусть лучше цветы. Помнишь, как бабушка цветы любила? Я еще маленькая была, у нас даже кипарис рос.

Мама бережно ровняла рыхлую землю, Таня следила за ее руками. Пахло травой и землей, нагретой солнцем.

— Оказывается, бабушка в молодости пионервожатой была, — сказал папа. — Еще у самых первых пионеров

— Она и на баяне как раз в это время выучилась

играть. Песни пела со своими ребятами. Смешные, — рассказывала мама, — про картошку, например. Ты не слышала такую? — спросила она Таню.

— Слышала, — она кивнула. — А можно мне вокруг все посмотреть?

— Только чтоб мы тебя видели, — разрешил папа. Он красил ограду черной краской. Она хорошо, мягко ложилась по железу.

— Ты, как всегда, все преувеличила, — сказал папа, глядя дочке вслед. — Все-таки дети не понимают, что такое смерть. Для них это понятнее абстрактное.

— И слава богу, — вздохнула мама. — Я не жалею, что мы ее взяли.

Таня шла по дорожке, железные прутья оград поднимались по обе стороны. Серебряные и ярко-черные, они даже как-то весело блестели на солнце. И цветов много. Неправда, что на кладбище грустно, если весна.

Таня посмотрела в небо. Там, наверху, уже совсем зеленые ветки деревьев махали проплывающим облакам. Синий купол церкви, похожий на шапку богатыря, поднялся из-за зелени, а над ним кричали птицы, будто удивляясь чему-то. Таня попробовала крикнуть по-птичьему и засмеялась, — не получается. Тогда она стала кружиться, глядя в небо, и все закружилось вместе с ней: деревья, облака, птицы.

— Таня! — услышала она мамин голос. — Танюша! Мы уже скоро! Не уходи далеко.

— Я здесь! — ответила Таня и поскакала по дорожке вперед.

Дорожка была ровной. Чем выше подпрыгиваешь, тем громче музыка. Бум, бум изо всей силы! Таня остановилась, потому что стало тихо.

Серебрились прутья ограды, на невысоком камне — выпуклое блюдечко-фотография, на фотографии улыбалась девочка, похожая на Наташу.

А деревья, облака и птицы продолжали мчаться впереди одни, без Тани, они летели мимо, кружились. Где-то начал вызванивать колокол, звон придвинулся к Тане совсем близко, он был ослепительно-красным, Таня зажмурилась и побежала.

Со стороны посмотреть — просто бежала девочка с одной косой, бежала просто так. Девочки вообще шагом ходить не любят.

А тишина вокруг была необычайная! Такая бывает только на кладбищах.

Папа и мама шли по дорожке следом за дочкой, папа нес большую сумку.

— Что за привычка мчаться вперед, — сердилась мама.

— Говорил, не надо ее брать! — папа нервничал. — При такой впечатлительности все в башке остается!

...Кладбище осталось позади, Таня шла между мамой и папой, держала их за руки.

— Ты не устала? — спросила мама.

Таня обернулась. Из-за деревьев торчал купол, похожий на шапку богатыря, над ним все так же кружились птицы.

«Может быть, мне показалось? — подумала Таня, — я фантазерка...»

Птицы кружились молча.

Папа посмотрел Тане в лицо.

— А хочешь, — сказал он тихо, — мы наш рояль обратно возьмем?

— Нет, — ответила Таня, — пусть пианино.

Она все еще смотрела, как кружились под самыми облаками безмолвные птицы.

В автобусе папа и Таня играли в слова, а мама удивлялась, сколько Таня знает городов. Папа нарочно показывал ей, какая Таня умная, и старался их веселить. И обедали они дружно, а потом еще ели мороженое, которое купили по пути домой. Таня ела мороженое медленно, и папа хвалил ее за благоразумие.

— Иди, отдохни, — сказала ей мама, они все расцеловались, и Таня пошла к себе в комнату.

Стройные олени на Таниных рисунках гордо держали деревья-рога. Добрые, как олени, волки гуляли на опушке леса. Собака с одной косою улыбалась весело и беззаботно. Таня подошла к окну: пустырь покрылся травой. Если бы дом все-таки был слоном — очень хорошо пастись. Таня прижалась к стеклу, над темными елками кружились птицы. Таня испугалась, быстро достала игрушки, посадила их на пианино. Все было как всегда.

Руки легли на клавиши, лицо стало напряженным, словно она пыталась что-то расслышать и не могла. Она тронула клавишу, но звук не полился, прозвучал коротко и смолк. Руки лежали на клавишах совсем спо-

койно, и пальцы не торопились перехватить клавиши, найти нужные.

Медленно, по порядку, Таня сложила игрушки в ящик. Тряпочкой аккуратно протерла клавиши пианино и закрыла его

Очень тихо было в комнате, непривычно тихо. Наверное, поэтому Тане совсем не хотелось здесь быть. Только нарисованные волки и олени смотрели и ничего не понимали.

Скоро летние каникулы! Школа жила радостно, возбужденно! На переменах даже организованные дети прогуливались уже не так прилежно, а уж про неорганизованных и говорить нечего. Из школьных окон несло какое-то сплошное «а-а». Если вернуть его, это «а-а», обратно, то оно разбилось бы на тысячу песен и присказок, считалок и скороговорок. Кто-кто, а младшие классы особенно горазды на это.

Цоп-цоп,
Цайда-Брайда,
Риту-малайда
Брайда!

Ударялись об ладони ладони. И чем громче кричишь, тем веселее. И девчонки старались изо всех сил.

На балконе мы сидели,
Чай пили, чашки били,
По-турецки говорили.

А другие девчонки встали в кружок и увлеченно, весело распевали:

Если нравится тебе,
То делай так!
(Хлоп, хлопок в ладоши).
Если нравится тебе,
То делай так!
(Хлоп, хлопок, очень серьезно!)
Если нравится тебе,
То и другим ты покажи,
Если нравится тебе,
То делай так!

И Таня пела громче всех и ни разу не сбилась: хлоп, хлоп в ладоши, гук, тук по коленям, а теперь палец к щеке и опять все сначала.

— Таня! Сергеева Таня!

Высокая девочка с мальчишеской стрижкой, та самая Марина, которая играла на контрабасе в школьном оркестре, потянула Таню за руку.

— Мы программу составляем. Концерт в связи с окончанием учебного года. От каждого класса по номеру. Сыграй что-нибудь свое, хорошо?

— Я больше не сочиняю, — сказала Таня.

— Ой, жалко! А из старого?

Таня улыбнулась Марине.

— Я все забыла.

...Таня шла из школы, в руках портфель. Уже можно ходить без пальто, и как это здорово — идти по улице в форменном платье с фартуком. Помахиваешь портфелем и прохожие глядят на тебя доброжелательно: вот, мол, какая девочка! И косичка замечательная!

Шла девочка по городу, дома вокруг были белые, чистые, оттого, что новые и еще оттого, что солнце светило яркое, весеннее.

Уже совсем по-летнему стояли деревья, листья даже успели запылиться. И травка кое-где пробивалась, хоть земля и была замусорена недавними стройками.

Высокое небо, плыли по нему белые легкие облака, проносились птицы, чертили завитки самолеты. Все хорошо, когда мир и весна. Только почему-то слишком тихо. Красиво, ярко и беззвучно. И по этому оглохшему миру шла девочка. Самая обычная. Одна косичка с бантиком на конце, и глаза хорошие, внимательные.

А что тихо вокруг нее — так это, наверное, даже лучше.

В детском саду были открыты все фрамуги, нацелены прямо в весеннее небо. Мимо голубого детсадовского забора шли разные люди по разным делам.

Таня стояла, подняв голову. Коричневый портфель лежал на земле. Было очень солнечно и очень тихо.

Но вот, где-то далеко, взял ноту, только одну-единственную ноту взял баян. Замолчал, снова повторил тот же звук и из него уже вывел несильную робкую мелодию.

По малинку в сад пойдём,
В сад пойдём, в сад пойдём...

Мелодия эта пошла дальше, смелее, и баян зазвучал громче.

И как он смог один, совсем нехитрый инструмент, петь такое? Про все, что есть на свете: про траву и школу, про старые игрушки, и про то, что остается навсегда только в памяти. Один, без всякой помощи, бабушкин баян справлялся с нелегкой задачей — петь про все.

Небо было синим, горячим. Так всегда бывает весной: земля еще непросохшая и холодная, стоишь на ней, смотришь на облака, на птиц, и кажется, там, где они летают, давно знойно от могучего, сверкающего солнца.

Косцов мыл машину. «Запорожец» снял отмытыми боками. У Володи на сегодня было много дел, но он почему-то не спешил, думал о них спокойно и радостно.

«Ничего, — сказал он «Запорожцу», — ничего, еще подышишь», — и улыбнулся, потому что вспомнил — так он сказал Таниному роялю. Он поднял голову. Большим малиновым колоколом ухнуло солнце и рассыпалось, зазвенело неповторимым перезвоном, и ветер, ветер-скрипка, вывел высокий надрыв, затем вернулся, вновь налетел, и виолончели повели, заговорили.

«Ты с этим шел ко мне», — тихо сказал Косцов. Танина музыка неслась где-то высоко, все дальше и выше.

«Ты с этим шел ко мне, и мог остановиться... Ты, Моцарі, недостоин сам себя!»

Володя выплеснул остатки воды из ведра и посмотрел на часы.

«Успею, — подумал он, — шоссе хорошее. Успею. Может, застану еще в школе».